РОВЕСНИК

7
1982

ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Июль, 1982 год, № 7

В НОМЕРЕ:

О НАРАСТАЮЩЕМ СВОБОДОЛЮБИВОМ ДВИЖЕНИИ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И О ТЕХ, КТО ПЫТАЕТСЯ ЕГО ЗАДУШИТЬ, СТАТЬИ, РЕПОРТАЖИ, ОЧЕРКИ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

На первой странице обложки: закончился рабочий день интернационального студенческого строительного отряда «Дружба» на плантациях совхоза «Маяк» Новоаненского района Молдавии. Идет обсуждение животрепещущего вопроса — как провести вечер.

Фото Евгения СТЕЦКО

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон: 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18.05.82. Подп. в печ. 21.06.82. А03333. Формат $84\times108^1/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 829.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

МАДРИД. Все более активное участие в политической жизни страны принимают молодые испанцы, которые, подобно их сверстникам в других европейских странах, сознают опасность, нависшую над континентом в результате решения вашингтонской администрации о размещении в Европе ядерного оружия. «Нет — американским крылатым ракетам!», «Остановить гонку вооружений!» — под такими лозунгами прошли митинги в различных городах Испании.

На снимке: массовая демонстрация молодых борцов за мир в Мадриде.

ИОГАННЕСБУРГ. В ЮАР нарастает стачечное движение. Согласно официальной статистике в 1981 году в стране прошли 342 забастовки (в 1980 году — 207), в которых принимали участие «исключительно черные, цветные и иностранные рабочие». Трудно, однако, поверить этим цифрам, поскольку в ноябре того же, 1981 года за активную стачечную деятельность был арестован и брошен в тюрьму руководитель одного из профсоюзов, двадцативосьмилетний врач Нэйл Эггетт, с абсолютно белым цветом кожи. Да и весь возглавляемый им профсоюз является «смешанным по расовому признаку». Нэйл Эггетт погиб от пыток в тюрьме весной этого года. По сообщению иоганнесбургской газеты «Файненшл мэйл», общее число бастующих в 1981 году превысило 92 тысячи. Их основные требования: обеспечение прав профсоюзов, улучшение условий труда, восстановление на работе несправедливо уволенных рабочих.

ЛОНДОН. В Беркшире, где планируется размещение первых американских крылатых ракет с ядерными боеголовками, состоялась демонстрация протеста, в которой участвовали молодые активистки движения «Женщины в борьбе за мир». Демонстранты блокировали подходы к базе. Продолжавшаяся 16 часов демонстрация была разогнана полицией, 39 участниц брошены за решетку.

КАНБЕРРА. Правительство США усиливает давление на партнеров по военным блокам, требуя от них более активного участия в милитаристской политике американского империализма, выполнения обязательств по агрессивному военно-политическому блоку Австралия —

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ХИРОСИМА. Свыше 200 тысяч человек приняли участие в массовой демонстрации протеста против продолжающейся гонки вооружений, нарастающей угрозы миру. Со всех концов Японии собрались активисты движения за мир. Их число соответствует количеству жертв варварской бомбардировки, которая произошла 37 лет назад.

На снимке: у полуразрушенного здания, сохраненного как напоминание о ядерной катастрофе Хиросимы, участники мирной демонстрации требуют покончить с гонкой вооружений, запретить ядерное оружие.

БЕРЛИН. Большой популярностью среди юных ботаников ГДР пользуются сборы специалистов, которые проводит Союз культуры Германской Демократической Республики. Очередной, третий сбор пройдет с 19 по 24 июля в округе Люкау. В нем смогут принять участие все желающие в возрасте от 14 до 18 лет, интересующиеся природоведением и естественными науками. Занятия с ребятами проводят видные ученые-естественники и специалисты-практики. В программу третьего сбора включены вопросы из курса ботаники, проблемы защиты окружающей среды и некоторые актуальные практические задачи использования природных ресурсов страны.

МАНАГУА. Молодежь Никарагуа, Гондураса, Коста-Рики и Панамы образовала общий фронт борьбы против угрозы американской интервенции в Центральной Америке, которому дано имя «Но пасаран» («Они не пройдут»). В заявлении, распространенном в Манагуа, сообщается, что фронт «Но пасаран» поддерживает инициативу Мексики и Никарагуа, направленную на мирное разрешение центральноамериканского кризиса.

БУДАПЕШТ. Здесь состоялась консультативная встреча представителей Всемирной федерации демократической молодежи. Посланцы молодежи мира обсудили задачи юного поколения в деле защиты мира и прекращения гонки вооружений, в первую очередь на Европейском континенте.

САНТЬЯГО. В Чили растет число политических арестов. По сообщению Чилийской комиссии по правам человека, режим Пиночета ужесточает террор: если за прошедший 1981 год было арестовано 908 противников хунты, то только за первые три месяца 1982 года схвачено 616 человек, причем больше половины из них — молодежь. Комиссия располагает данными о том, что многие из арестованных подвергаются пыткам.

НЮРНБЕРГ. «Молодежный форум-82» прошел весной в Нюрнберге. Коммунисты Федеративной Республики Германии организовали в рамках форума несколько дискуссий и конференций. Особый интерес вызвала дискуссия на тему «Не уничтожит ли нас наша техника?», на которой были затронуты проблемы мирного использования ядерной энергии и применения новых технических устройств. Молодые коммунисты из союза «Спартак» провели конференции по темам «Безработица среди молодежи» и «Проблемы системы просвещения».

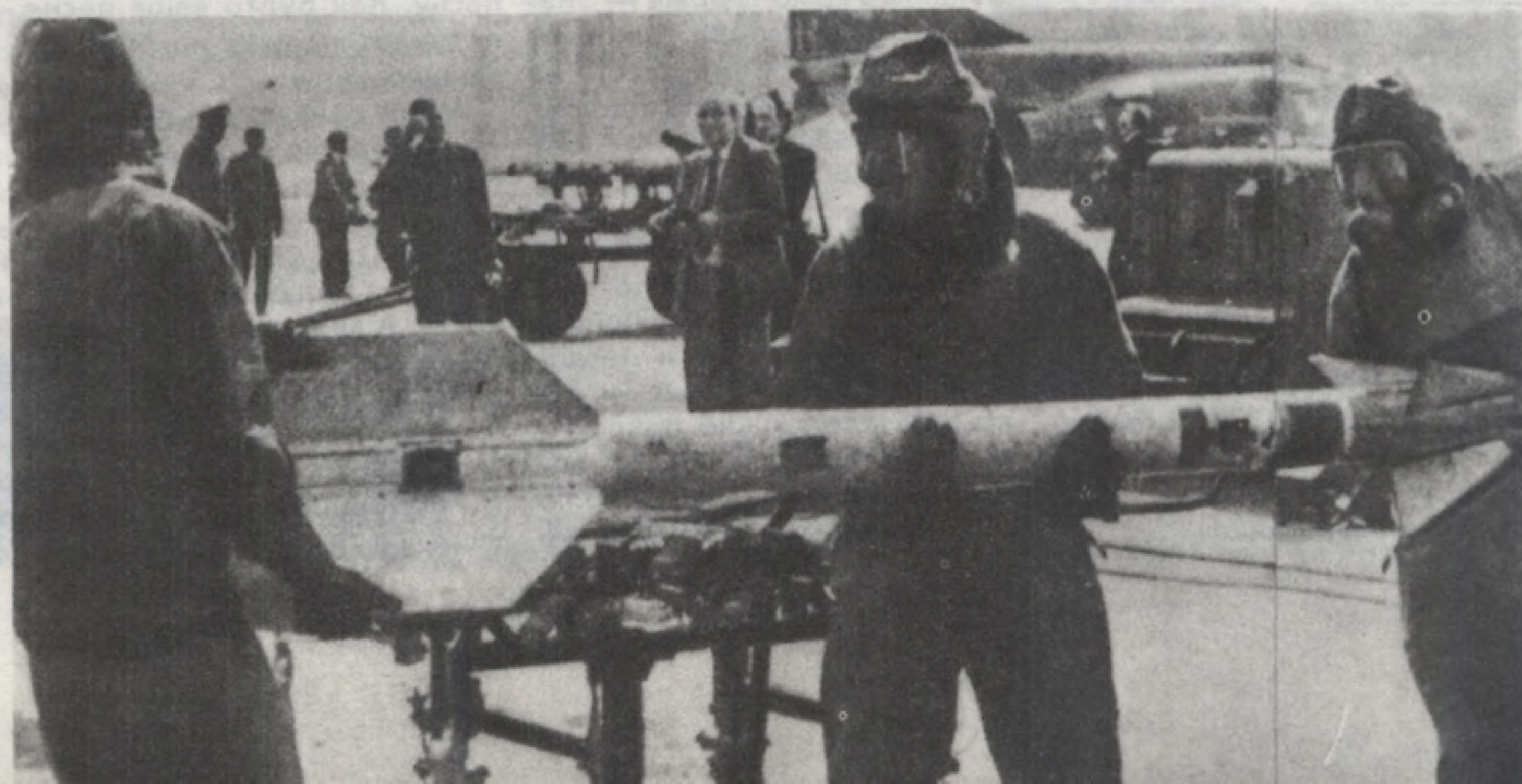
ВАШИНГТОН. Вопреки мирным инициативам Советского Союза страны НАТО продолжают курс на развертывание гонки вооружений. В последнее время в ходе маневров разрабатывается тактика ведения боя с использованием ядерного оружия.

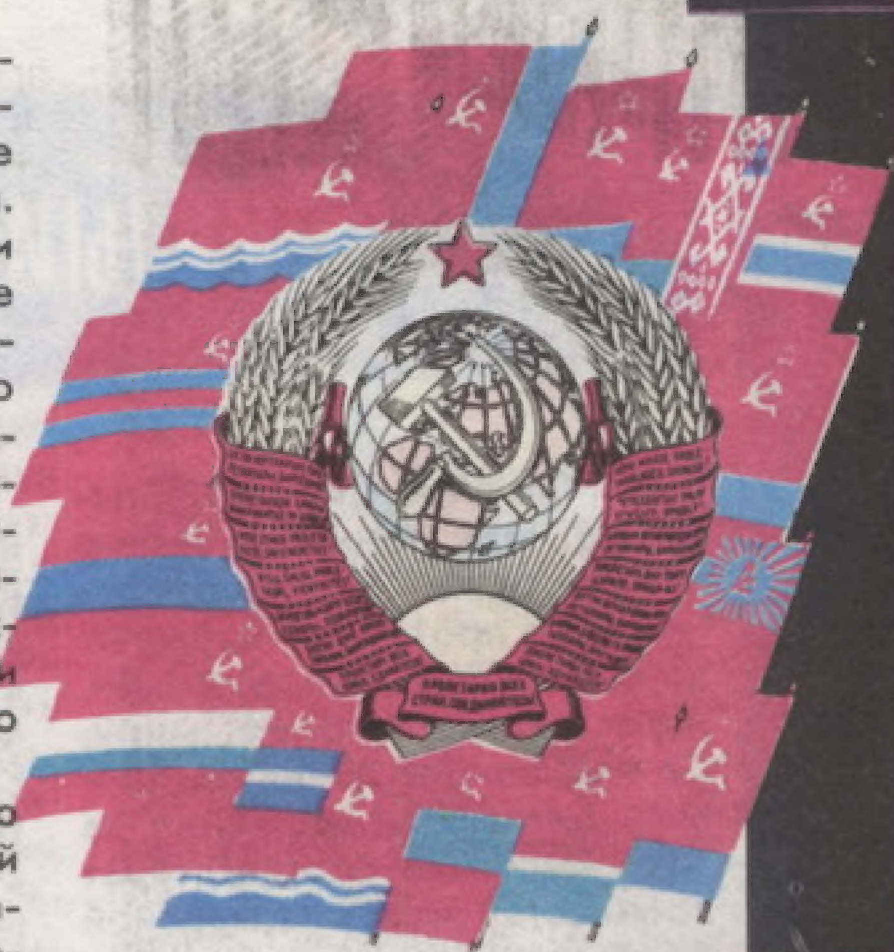
На снимке: крылатые ракеты на учениях войск блока НАТО.

Новая Зеландия — Соединенные Штаты (АНЗЮС).

На снимке: совместные маневры стран — членов АНЗЮС, в которых, помимо вооруженных сил Австралии, Новой Зеландии и США, впервые приняли участие подразделения ВМС Японии.

ТЕЛЕГРАФ

60 ЛЕТ СССР

Карла АКОСТА, Уругвай

«ВЫ–

Рассказчице двадцать три года. Это очень веселая, добрая девушка. Она умеет петь радостные песни — походные и гимны. Она легко снимается с места и легко принимается за самую сложную работу. На людей она смотрит прямо. Она старается понять человека, с которым говорит. Она вникает в смысл. Возможно, это ее главная черта — то, что она старается понять человека. Она слушает... Обратите внимание на ее фразу о том, что «людей надо выигрывать». В этом есть хороший смысл.

Когда Карла смеется, она кажется моложе, младше. Но когда она увлечена важной для нее темой, она становится серьезной «не по годам». Дело, видимо, не в возрасте, а в том, когда человеку подобает взрослеть.

Карла Акоста рассказала:

— Когда я приехала в Москву, я была совсем другим человеком. Да, другим — из другого мира. Из мира, где дети взрослеют рано, наверное, раньше, чем следовало бы. Наша семья приехала в СССР за несколько месяцев до переворота 27 июня 1973 года[1] — отец начал работать в Москве корреспондентом уругвайской газеты.

Я вышла на улицу, окунулась в московский двор на улице Большая Полянка и увидела, как на асфальте, расчерченном мелом, девушка — взрослая совсем девушка! — играет в классики! Я не знала этой игры, но потом, конечно, научилась играть сама. Первое мое впечатление — страшное удивление. Единственное, что я могла спросить у играющей московской девочки, на что у меня хватило словарного запаса, это: «Сколько тебе лет?» — «Четырнадцать»,— ответила она и стала звать меня играть вместе с ней в эту смешную и слишком детскую игру на асфальте, расчерченном мелом, в игру, где самое страшное было наступить на меловую черту и самое страшное наказание — выйти из игры. Я была на год моложе — и значительно старше. Такое детство для меня давно кончилось, я вышла из него по обстоятельствам. Московские классики — это так беспечно... Только позже, действительно повзрослев, я поняла, размышляя, разницу между нами (как много в жизни зависит от того, каким было детство у человека!).

Я поняла: наверное, одно из величайших достижений вашей страны и главное завоевание вашей революции — в этом продленном детстве. Да, для того чтобы девочки играли в классики, самую смешную и детскую игру на свете, в которой самое страшное — наступить на меловую черту и выйти из строя не надолго, а на одну минуту,— ради этого боролись и умирали взрослые люди вашей страны и рано повзрослевшие дети тоже.

Но это детство не пустое. Однажды, когда я выступала в одной московской школе — это происходило уже спустя годы,— ко мне после моего выступления подошла маленькая девочка, наверное четвероклассница. Славная девчушка в бантах и в слезах. И она спросила меня, неужели действительно правда то, что я сказала, что маленькие дети во многих странах борются с оружием в руках за свободу и умирают. Я ответила ей: да. Я не стала щадить ее детства. Она слышала меня, поняла и плакала. Значит, она умела чувствовать чужое горе.

Когда я поступила учиться в московскую школу, в классе все стали гадать, кто мне нравится из мальчиков... Но все равно не угадали! А когда я возвращалась вечерами с занятий в бассейне и было темно, меня встречал и провожал до самого дома — знаете кто? — «гроза школы». Он провожал меня просто из дружеских чувств. Но я до сих пор благодарна этому уже выросшему человеку и до сих пор считаю, что из «грозы школы» часто вырастают очень хорошие люди. Потому что они неравнодушные, потому и сердитые и неспокойные. Они добрые чаще всего. Надо только присмотреться к человеку. Я это поняла в детстве. Я не люблю приглаженных. К тому же именно в детстве набивают себе на лбу самые правильные и самые почетные шишки!

Детство — это талисман человека на всю его жизнь.

Благодарю первую учительницу мою. Однажды она поставила мне большую, во всю страницу, пятерку за сочинение на свободную тему. Как она почувствовала и поняла, что дома обо мне так мало знают и мне необходимо кому-нибудь выговориться? Возможно, литературное сочинение не лучший повод для того, чтобы излить свою душу. Но в детстве все кажется отличным поводом. Мне была поставлена оценка «за искренность». А сочинение заняло всю тетрадь.

Как назвать общее в ваших характерах?

Сочувствие? Сострадание? Доброта?

Но это то, что я встречала у многих людей, с которыми меня сводила жизнь.

Так мне сильно повезло в жизни.

...Есть странное чувство, которое возникает, когда иностранцы поют советские песни. Как будто ваша песня получает новую, неиспробованную силу.

Меня пригласили в Тольятти на Неделю солидарности с борющимися народами Латинской Америки. Я поехала, чтобы, если так можно выразиться, получать солидарность. А ведь получать всегда легче, чем отдавать. И добрые чувства получать легче — на это требуется меньше души.

Хорошо, что в Тольятти нашелся такой человек, который сказал мне: «Ты прилетела. Хорошо. Теперь давай вместе подумаем, что ты можешь нам дать». Вот как он сказал, молодчина. Он понял меня.

Я стояла в зале какого-то завода и слушала, как наши ребята, латиноамериканцы, поют «Последний бой»: «...последний бой — он трудный самый!..» Так они пели, а в зале слушали, просто слушали. И надо было так, просто, слушать, и не надо, казалось, никаких слов. Никаких особенных слов, подтверждающих общие сильные чувства. Но встал человек, подошел к ним из зала, пожилой человек, седоватый. И он сказал им очень просто, что, мол, верю, ребята, будет и у вас ваш последний бой, наступит вам такое время. И вернулся в зал. Он сказал не в микрофон и не ища микрофона. Будто бы для самого себя. Будто бы эти слова ему самому были очень необходимы. Тогда, в Тольятти, я поняла, из каких слов составляются слова солидарности, из каких жестов и из каких дел. Я почувствовала, что я девушка, у которой нет

[1] *27 июня 1973 года президент Х. М. Бордаберри при поддержке реакционного крыла командования вооруженных сил совершил государственный переворот. Деятельность всех политических партий была приостановлена, парламент распущен, крупнейшее профсоюзное объединение Национальный конвент запрещено, многие политические, профсоюзные деятели, руководители рабочих организаций арестованы.*

ВЗВОЛНОВАННЫЕ ЛЮДИ!

героической судьбы пока, что я участник жизни и в ней участвую уже сейчас. Это чувство мне подарили люди, которые в городе имени борца Пальмиро Тольятти спросили меня, что я могу их городу дать.

Та неделя была, как пачка листовок, плотна. Мы вставали в семь. Ехали на завод, на митинг. Митинги были короткие, летучие. Выступление — две-три минуты. Помни, что́ от тебя ждут люди.

Я помню. Я выхожу. Я делегат на этой Неделе солидарности. Как много людей как много бы отдали, чтобы увидеть столько честных человеческих лиц, солидарных с их мужеством, и их борьбой, и с их готовностью умереть за родину! И я начинаю говорить.

— Я уругвайка. Но сегодня я буду говорить не о своей страдающей родине. Я буду говорить о Сальвадоре. Пусть меня поймут все. То, что сегодня происходит в Сальвадоре, важно для моей страны, для вашей и для всего мира.

Я смотрю в лица. Их выражение мне необходимо, чтобы продолжать. Потом я возвращаюсь в зал и слушаю «Последний бой». К нам в зал приходит человек, сказавший ребятам, что их последний бой впереди. Он будет — последний. Мы стоим рядом.

Моя работа, связанная с организацией широкого фронта поддержки моего народа, борющегося за свое будущее, поддержки всех борющихся народов, началась с этого времени, с этой недели, с этой песни. После переворота семьдесят третьего года в нашей стране был распущен парламент, запрещена деятельность политических партий и старейшей профсоюзной организации труда — Национального конвента. В тюрьмах страны томятся около семи тысяч политических заключенных, они подвергаются пыткам. Но наш народ не сломить. Он обретает свободу. Только что могу сделать лично я?

Фронтом моей работы стало общение с людьми. Нужно, чтобы как можно больше людей узнало о том, что происходит в Уругвае, в Сальвадоре, в Никарагуа. Я горжусь тем, что уругвайский народ принял участие в борьбе народов всей планеты за прекращение войны во Вьетнаме. Я верю в силу солидарности.

И я вижу эту силу в глазах советских людей.

Я прихожу в школы и слышу вопрос, который привыкла задавать себе. Спрашивают дети: «Чем мы можем помочь?» Я вижу в этом черту целого народа. Я была в Киеве, в Баку, в Вильнюсе, в Тольятти три раза и поняла, что стремление сочувствовать свойственно советским людям независимо от того, к какой национальности они принадлежат. Наверное, это связано с вашей историей. Одна простая женщина, без особенного образования, служащая в больнице, сказала мне, что «сначала надо понять, хороший ли человек, а потом мы к нему со всей душой». Ваш народ пережил так много тяжелого, так много боролся, воевал за обретенную в революции свободу, что для него душевная поддержка — реальная сила. Ваш народ сумел сплотиться, чтобы выстоять в войне, и вырастил в своих детях черту, которую трудно изменить — порыв к слабому на помощь. «Чем мы можем помочь?» — спрашивают меня дети в школах, и я понимаю, что им н у ж н а их конкретная помощь, чтобы они могли быть спокойны. Как им объяснить, что хорошая учеба — это значительный вклад? Я говорю: игрушки, которые вы собираете для детей развивающихся стран,— это хорошо, деньги, которые вы перечисляете в фонд мира,— это очень хорошо. Но не забывайте, что от вашей работы на вашем месте также зависит общая наша победа и наш последний бой.

Сама я это поняла тоже в Тольятти. Я приехала во второй раз. Был Всесоюзный субботник. Мы, участники Недели солидарности, работали на ВАЗе. ВАЗ — это: разбежались глаза! ВАЗ — это самый сильный аргумент в пользу социалистического труда. Потому что сильны и красивы люди на ВАЗе. Когда их показывают по телевизору, наверное, многим кажется, что для показа специально выбрали из рабочих самых интересных, веселых и внешне примечательных людей. Но там такие все. Им хорошо работается. Когда был субботник, нам выдали спецодежду, принятую на заводе, и это было подарком — нам разрешили взять ее себе. Замечательный подарок. Я стояла у конвейера. Мне надо было что-то вынуть, а что-то укрепить. Это была, я думаю, самая элементарная операция, доступная для такого «высококвалифицированного» работника, как я. Но зато все мы вместе выпускали автомобили. И я помню, как, старательно вынимая какие-то штуковины — никак иначе я описать свою работу не могу! — я подумала с б о л ь ш о й г о р д о с т ь ю о необходимости своего труда. Мне пришли в голову мысли о том, как необходим м о й мелкий труд. Он мелок, но лишь в масштабе общего дела. Взять ВАЗ и меня — меня ВАЗ не заметил. Но я представляла вереницу прекрасных автомобилей — гордость завода, и видела, что без меня машины не пойдут. Меня не будет — придет другой, но без мелкой нашей работы вереница остановится. Оттого, что кто-то не встал на свое место. И так в любом деле: не надо всем бегать около конвейера, а надо распределить свои места в работе и спокойно приступить к ней. Просто и честно понять, как важен твой незаметный и мелкий труд. Это нужно скорее понять, потому что, возможно, твое место без тебя п у с т у е т.

А в следующий приезд мы сажали деревья в старом городе, чтобы сильный нехороший ветер со стороны моря не мешал людям жить. Аллея была названа именем Виктора Хара. Мне понравилось, что аллея памяти служит делу, она защищает город. Память должна напоминать о себе добром. Например, бороться с ветром. Мы с девушкой, которую зовут Клаудиа, посадили три дерева, сердито отказываясь от помощи, которую нам старались предложить из-за нашей «слабости».

Три раза я была в Тольятти, и всякий раз меня поражало множество мелких дел, которые нуждались в моем участии, и также поражало общее дело, которое делалось с такой энергией, с таким участием. У меня появилось много друзей. Один человек, совсем пожилой, пенсионер, приезжал в Тольятти потому, что он у себя в городе ведет клуб интернациональной дружбы. Потом он прислал мне письмо, где благодарит

за плакаты, которые я ему дала. Этот человек всю жизнь занимается выжиганием по дереву. Он делает портреты героев, и у него есть целая Лениниана. Этот человек посвятил себя работе с детьми. Я получила письмо от него среди множества других писем, на которые я стараюсь отвечать поскорее, но что делать, если дела закручивают меня совершенно. Вот, например, одно письмо:

«Здравствуй! Прошло уже много времени, как мы виделись, но все настолько свежо в памяти, словно это было вчера... Летом я работала в ССО под Краснодаром. Собирали мы там яблоки, помидоры. И там, вдали от родной Сибири, мы тоже провели Неделю солидарности. Рассказали о нашем интерклубе, слушали записи с песнями, работали в фонд солидарности. Мы очень часто всех вас вспоминаем. Снова смотрим фотографии, поем наши песни. Как у вас дела? Чем ты сейчас занимаешься? Как дела у обоих Хосе? Пишите нам, не теряйтесь, передайте хоть весточку о себе. Знаешь, каждое письмо ваше — это настоящий праздник для нас, и это не пустые слова. Обнимаю, целую. Марина».

Сейчас я заканчиваю факультет журналистики МГУ и готовлюсь к вступлению в Коммунистическую партию Уругвая. В детстве моей мечтой было стать советской пионеркой. К сожалению, эта мечта не могла исполниться из-за возраста. Но я по-своему восполнила несбывшееся: я писала маленькие рассказы в коммунистическую газету «Эль популар» о том, как мне живется в СССР, и о том, как живут советские дети. Удивительная сила слова: мне, маленькой девочке (но я-то считала себя, конечно, взрослой, если вы помните!), приходили письма из Уругвая: «Пиши больше!» Я старалась. Я писала о цирке и о том, «как мы с подругами гуляем на улице», и описывала день рождения моей сестры, на который были приглашены гости-дети. Очень простые рассказы, а оказалось, что они — рассказы о каком-то чуде, о мечте, о том, что еще не может сбыться для маленьких моих соотечественников.

Я поступила на факультет журналистики и спустя два года уехала на первую производственную практику в город Вильнюс, который я выбрала потому, что там, мне сказали, много кофеен. Мы, латиноамериканцы, очень любим кофе со стаканом свежей холодной воды. Когда дома папа говорил: «Я пошел за газетой»,— это означало, что в ближайшие два часа его можно искать в кофейне под нашим домом, где он читает газету.

Я ехала в Вильнюс, мне хотелось выиграть эту поездку. Выиграть людей, с которыми я буду встречаться не по вопросу солидарности, а по обычному газетному заданию и где они не будут знать, кто я, и не будут по своему сердечному порыву о б я з а н ы хорошо ко мне относиться. Я не знала, какая я буду в глазах их. Я не знала, какие они в обычной, будничной жизни.

Потом я была еще в Баку и уже не удивлялась, как легко люди сами «выигрывают» меня, не спрашивая, кто я, откуда, а по простой сердечности и желанию добра.

В Вильнюсе я получила задание написать о молодой продавщице универмага. Она литовка, но по-русски говорила хорошо. Когда я впервые увидела ее, она показалась мне несколько сухой, слишком сдержанной. Я предложила обращаться друг к другу на «ты», потому что мы были одного возраста. Но она, тряхнув светлыми короткими волосами, заявила мне в присутствии комсорга, что она достаточно воспитанна, чтобы с незнакомыми людьми не быть фамильярной! Но это не признак фамильярности, потому что, когда я разговариваю по-дружески, на равных с седым товарищем из нашей партии, это может означать только мое глубокое уважение к нему и его большое доверие ко мне, взрослому человеку и товарищу по борьбе. Как было это объяснить светловолосой литовке, которая сидела передо мной в красном уголке отличного универмага. И я кинулась в бой. Через некоторое время мы уже болтали о разных пустяках — о цветах, о музыке, об улицах, о молодых людях. Потом я была приглашена в гости в общежитие, в котором жила эта милая застенчивая девушка. И я выиграла: она оказалась красивым, веселым человеком, который любит свою работу и любит людей, у которого масса самых простых и самых человеческих проблем. Она скромна. Иногда ей очень не нравится, что на нее смотрят, как на простое «орудие торговли», автомат. Ее подчеркнуто холодноватое «вы» — это желание демонстрировать свой стиль. В общем, это была очень интересная девушка. Вильнюс я обошла в полной тишине внутри себя, будто это не город, а бесконечные залы, разворачивающие передо мной экспозиции своих перспектив...

Мой отец хочет написать книгу об СССР. Но он не знает так хорошо русский. Не знаю, получится ли у него. Я думаю, что надо много слушать и много понимать даже и мелких, брошенных слов на лету, чтобы понять душу народа.

«Пойдем домой!» — говорит девушка Наташа в редакции молодежной газеты города Баку. Смысл: она приглашает меня пожить у нее дома все время, пока я буду в Баку. Но смысл сказанного больше, глубже, сильнее. Это сказано решительно и небрежно: «Пойдем!» Будто так: «А ну-ка, что ты здесь сидишь, когда тебя уже ждут в т в о е м доме!» Вот как это сказано. И я чувствую это. Я понимаю. Я иду вслед за почти незнакомой мне Наташей и нахожу бакинский двор, а в бакинском дворе девушку Корину, которую я не вижу, но я слышу, как ей кричат неизвестно откуда: «Корина-а!» — и уже Корина неизвестно откуда бежит, серьезно стуча каблуками, она спускается сверху, и вот она появляется, чтобы, задрав голову и уперев руки в бока, закричать свое «что тебе?» так радостно, будто в этом вопросе заключено слишком много, что словами не выскажешь, а в этом заключен лишь ее, Корины, пылкий характер и пылкий такой же городской день, пропитанный запахами, как горячий праздничный пирог.

А в доме кто-то собирается в Москву и гладит, и утюг выскакивает из рук, потому что весь день такой торопливый и надо еще успеть много друг другу сказать. Черт побери этот горячий утюг, раскаленный так, будто на нем остановило свой пристальный взгляд бессовестное бакинское солнце, заглядывающее в каждый дом бесцеремонно!

Я выхватываю утюг и начинаю гладить, потому что я знаю, как сладить со взбесившимися утюгами. Никто не удивляется, наоборот, наваливается новая гора голубого душистого белья и кофточки в нем, как изюм в пироге.

— Зачем ты заставила ее гладить? Разве ты не знаешь, что давно пора обедать?

— Разве пора обедать?

— Нет, пора лепить хинкали!

Утром я вскакиваю и бегу в редакцию, и в редакции сидит воспитанный и аккуратно-точный черноусый Рауф, который говорит, озабоченно поглядывая на часы... Он говорит, что я опоздала? Нет! Он говорит, что «еще немного, и пора обедать». Кажется, все решили накормить меня обедом!

Но дома за хинкали я ловлю на себе быстрый взгляд. Кто посмотрел на меня украдкой и озабоченно, как мать на строптивую дочь, которая не выносит заботы?..

И я написала в Баку в свою тетрадку, где мои мысли:

«Сегодня я почувствовала себя ребенком.

Я увидела своих друзей и вспомнила свои игры.

Я вспомнила вещи моего детства и подумала обо всех детях.

О тех, которые смеются...

И о тех, которые не умеют смеяться.

Они почти никогда не смеются...

Дети мира, сыновья многих народов!

С ними свет солнца, это их глаза глядят в будущее и ищут его подобно лучам света, разыскивающим звезду решительно и прямо, как это может луч света.

Дети — это грядущая к нам «Аврора»,

Залп которой уже слышен».

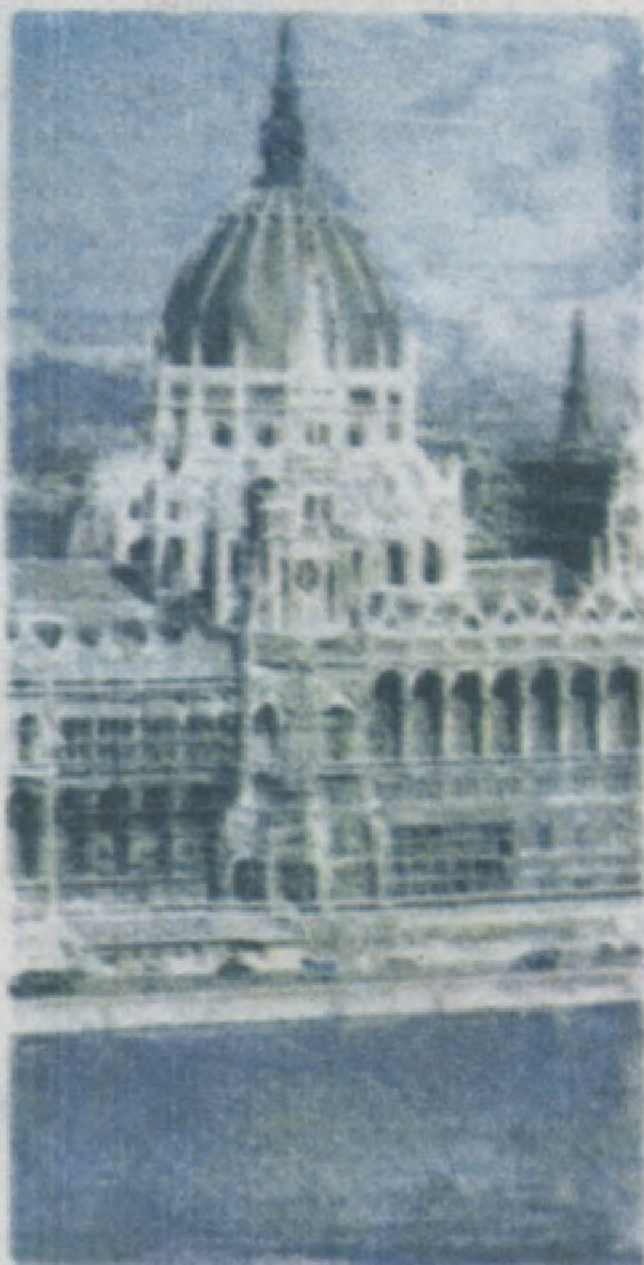
Я еще мало видела. Я видела город Вильнюс, в котором нельзя потеряться, потому что обязательно выйдешь к тому же месту. И я видела город Баку, в котором нельзя потеряться, потому что тебя разыщут и проводят домой. Я совсем немного знаю вашу страну, в которой нельзя потеряться и почувствовать себя одинокой, потому что тебя разыщут Регина, Люся, Лена, Слава, Андрей и целые компании:

— Куда ты пропала? Что с тобой?

Я не пропала. Я пишу диплом. Пожалуйста, не волнуйтесь.

Но это бесполезно. Они все равно волнуются.

Записала Н. ЧУГУНОВА

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Шире использовать имеющийся у стран — членов СЭВ опыт производства продукции земледелия и животноводства по прогрессивным технологиям.

Продовольственная программа СССР на период до 1990 года

АРИФМЕТИКА ТРУДА...

Капитолина КОЖЕВНИКОВА, корреспондент «Литературной газеты» — для «Ровесника»

Мы едем в поселок Хернад, область Пешт, в кооператив имени 15 марта. Кооператив не простой — головное предприятие крупного объединения по производству кур «Гунния-гибрид».

Два голубоглазых, русоголовых человека очень темпераментно, перебивая друг друга, рассказывают о своем хозяйстве. Переводчик еле поспевает за ними. Это заместитель председателя кооператива Иштван Надь и секретарь партийной организации Михай Кишпал.

И в Венгрии попадаются скудные земли, такие вот и достались хернадцам. Песок. Что ни сей — изобилия не дождешься. Здешний народ издавна перебивался кое-как. Казалось, все испробовали, но всякий раз неудачи, пока кооператоры не взялись, как выяснилось позже, за весьма прибыльное дело — птицеводство.

Кооператив получает суточных гибридных цыплят, выращивает их и передает родительские пары хозяйствам-партнерам. Все это вместе называется объединением «Гунния-гибрид». Первую скрипку играют в нем хернадцы. Мне говорили, что сейчас в объединение входит более 130 хозяйств, расположенных в разных областях Венгрии. Выдает оно ежегодно восемьдесят миллионов бройлерных цыплят.

Быстро и ловко разделываются куриные тушки на кооперативной фабрике по переработке птицы. Несколько быстрых операций, и вот уже в упаковке тушки идут по транспортеру, чтобы появиться на прилавках и своих и иноземных городов. Двадцать процентов всей продукции «Гунния-гибрид» идет на экспорт. Прямо отсюда идет. Из кооператива. Минуя заготовителей, закупщиков и прочие промежуточные звенья.

Работницы укладывают в полиэтиленовые пакетики куриные потрошки. Их смогут уже завтра купить будапештские хозяйки, так же как и ароматные сосиски из диетического куриного мяса.

Отходы? Здесь не знают этого слова. Перерабатывают все! Измельчают, сушат, смешивают с кукурузой, другими компонентами — пожалуйста, готов корм для поросят: в кооперативе есть свиноферма.

В венгерских агропромышленных комплексах формы сотрудничества очень разнообразны: от самых простых (два-три кооператива, к примеру, покупают самолет для обработки полей) до сложных, многоступенчатых, вроде «Гунния-гибрид». Партнеры вносят деньги на развитие производства, головное хозяйство берет на себя и экономическую сторону, и техническое оснащение. Прибыль идет на развитие всего объединения и на выплату определенного процента его членам.

Все это выгодно на высокой ступени развития сельского хозяйства, когда есть новейшие машины, в изобилии корма́, отлажена технология, высока организация всего процесса. Нет такой готовности — можно на долгие годы дискредитировать хорошую идею, отбить у деревенского человека всякую охоту к подобного рода экспериментам, которые в зависимости от подготовки к ним становятся либо делом успешным, либо самым настоящим экономическим прожектерством.

Добровольность. В том числе и на ней основана венгерская интеграция. От желающих вступить в какое-либо объединение сейчас просто отбоя нет, даже от тех, кто еще не готов к этому. Да, конечно, полная добровольность, но нельзя допустить и анархии. Кооператив, к примеру, заявляет: он хочет быть партнером того или иного объединения. Но готов ли он к интенсивному ведению хозяйства, станет ли новое дело выгодным для самого кооператива, для всей отрасли? Если готов, министерство сельского хозяйства принимает положительное решение. Даются два года, как бы на испытание. Выдержано оно хозяйством — утверждается окончательно, не выдержано — отвергается.

Сексард — тихий городок на юге Венгрии. Центр крупного производственного объединения. Образовалось оно на базе местного госхоза.

Ласло Кёльбер, заместитель директора по технике, подводит меня к карте Венгрии, висящей на стене его кабинета. Множество пунктов в самых различных концах страны обведено кружочками. Здесь находятся хозяйства-партнеры сексардского объединения.

— А не легче ли вести дела в пределах своего района или хотя бы области? — говорю я.— Ведь так сподручнее управлять хозяйствами, да и климатические, почвенные условия сходные...

Ласло Кёльбер объясняет:

— Объединения, агропромышленные комплексы у нас давно вышли за пределы административных районов. Да и невозможно сдержать их неудержимый рост этими границами. Ведь у нас одно хозяйство может быть членом нескольких объединений: с одним, скажем, оно кооперируется по производству пшеницы, с другим — кукурузы, с третьим связано переработкой овощей, с четвертым — мяса... Вот, например, как мы начинали в Сексарде...

Тут в комнату вошел рослый красивый молодой парень и, улыбаясь, сказал мне по-русски:

— Здравствуйте, меня зовут Петер. Как приятно встретить гостью из Москвы. Ведь я и сам отчасти москвич.

И тотчас пояснил:

— В прошлом году окончил Тимирязевку. А здесь, в Сексарде, работаю экономистом.

смотрите!

Продолжаем фоторассказ о городах братских социалистических стран. Во втором номере «Ровесника» объектив фотокорреспондента запечатлел приметы нового и старины в городах Болгарии. На снимках С. Петрухина — Будапешт, столица Венгерской Народной Республики. И снова гармония нового и старины, пора молодости и расцвета древнего города на берегах седого Дуная. В чем секрет? Почему на фоне тревожных сообщений о кризисе городов на Западе, о запустении, надвигающемся на Нью-Йорк, о дряхлости, угрожающей архитектурным ансамблям Венеции, не стареют, становятся все краше София и Будапешт, Прага и Берлин? А секрета никакого и нет. Просто в социалистических городах все делается для блага людей, а следовательно, для блага городов.

...Так вот, все началось с того, что пятнадцать лет назад венгры решили полностью механизировать процесс возделывания кукурузы — основной кормовой культуры, от которой зависит благополучие животноводства. В разных странах закупили комплекты самых современных машин. И сразу же столкнулись с целой обоймой проблем — технологических, экономических, биологических... Стало очевидно: хозяйствам в одиночку с этим не справиться. Необходимо объединяться. Тогда будет и технический центр с крупной ремонтной базой, и специалисты, и средства, и возможности.

Всего в стране было создано четыре крупные системы по возделыванию кукурузы, в том числе и знаменитая Баболна. Площадь, которую они обслуживают, составляет около четырех миллионов гектаров. Площадь сексардской системы — более полумиллиона гектаров. Ее партнеры — хозяйства в центральной Венгрии, и те, что расположены вдоль Дуная: у границ с Австрией, Югославией, Румынией... За эти годы резко поднялась урожайность кукурузы, а потом и пшеницы, подсолнечника, сахарной свеклы.

Так вот теперь по производству пшеницы на душу населения Венгрия занимает третье место в мире, а по производству кукурузы уступает лишь Соединенным Штатам. В этот успех большой вклад внесло и сексардское объединение.

Только ли кооперативы и госхозы — партнеры в системе? Нет. В нее входят и научно-исследовательские институты, и заводы сельскохозяйственных машин, и предприятия торговли, и зернотресты. При этом сохраняется полная самостоятельность партнеров. Каждый из них оказывает друг другу какие-то услуги и получает за это соответствующую плату.

Умение считать каждый форинт, исходить из экономической выгоды, чувствовать реальную почву под ногами — вот на чем стоит сельское хозяйство Венгрии. И основа эта крепкая. Чуть менее половины всего венгерского экспорта составляют продукты сельского хозяйства. Почти тысяча видов их экспортируется в сто стран мира.

Другая распространенная здесь форма получения сельскохозяйственных продуктов — приусадебное хозяйство. Именно так называют в ВНР личное подсобное хозяйство. В Будапеште мои коллеги — венгерские журналисты рассказывали о том, как западные экономисты пытались представить развитие приусадебных хозяйств в Венгрии ни много ни мало как отступлением от принципов социалистической экономики. Пустая попытка выдать желаемое за действительное! Взять хотя бы животноводство. Семьдесят процентов всех расходов в этой отрасли — корма. Кто их производит? Госхозы, кооперативы, системы (вроде той же сексардской). Молодняк крупного рогатого скота, свиней, птицу владелец личного подворья получает в государственном хозяйстве. Оттуда же ему присылают агронома, зоотехника, ветеринара. Там же выдают технику, ядохимикаты. В общем, без существенной помощи государства мелкое производство тут же зачахнет. Оно развивается только при тесной интеграции с крупным общественным хозяйством. По сути дела, это форма надомного труда в социалистическом обществе, удобная пожилым людям, матерям, имеющим нескольких детей.

Кстати, в понятие «мелкий производитель» у венгров входят не только жители села, владельцы приусадебных хозяйств, но, по сути дела, чуть ли не половина населения страны. Это и рабочие, которые где-нибудь на окраине города занимаются выращиванием поросят, кроликов, мясных голубей, и сельская интеллигенция, и шахтеры, живущие в небольших поселках, и любители-садоводы, которых множество и в Будапеште, и в Пече, и в других венгерских городах. Людям присуще желание после работы у станка, в кабинете покопаться в саду, на крохотном огороде, «поколдовать» в собственной винарне, где зреет в тишине прекрасное домашнее вино...

В том же поселке Хернад меня познакомили с хозяйством Марии Малаты. Муж ее работает в кооперативе имени 15 марта, там же работают две ее дочери с мужьями. Сама же Мария содержит птичник.

— Вот мое дело,— сказала она, открыв двери добротного сарая.

Я думала увидеть ну полсотни или самое большее — сотню бройлеров. А тут гомонило около тысячи птиц. Мария Малата рассказывает:

— Я заключаю с кооперативом договор, в котором записано, сколько я берусь откормить за лето цыплят. Получаю цыплят и комбикорм в гранулах. Сорок девять дней кормлю. После этого делаю заявку на машину. Приезжает машина и забирает всю птицу. А мне тут же деньги. Удобно, выгодно, никаких хлопот с продажей! Труда, конечно, много, но зато я все время дома. А это для пожилого человека лучше, чем куда-то ездить каждый день на работу. У меня, смотрите, и механизация есть. Вот автокормушки, автопоилки, вентилятор...

Малый птичник содержится в полном соответствии с правилами санитарии. Зоотехник, ветврач дают птичницам советы, определяют для цыплят оптимальный режим питания. Таким образом, малые хозяйства — часть общей экономики.

Кроме того, есть такие культуры, которые лучше «поддаются» семейному, домашнему труду. Это ранние овощи под пленкой, зелень и разная ягода: малина, клубника, смородина... То есть все, что требует пока еще много ручного труда, требует быстроты при сборе, чтобы не испортилось, не сгнило по пути к прилавку.

Интересную историю с малиной рассказал мне председатель кооператива «Сёллешкёрт» Шандор Фречка.

— Хорошая ягода малина! Большим спросом у потребителей пользуется. Но сколько с ней возни! Пробовали мы ее выращивать в своем кооперативном саду. И так к ней подойдем, и этак. Пропадает урожай. День перестояла: ягода осыпалась. Собрали, сразу не вывезли — потекла. Мучились мы с ней, мучились и решили отдать на приусадебные участки. И что вы думаете? Пошла малинка. Ухаживают за ней семьями. И дети и старушки в малинниках возятся. Каков результат, спрашиваете? Прекрасный! У нас есть большой кооперативный холодильник. Так вот, мы в июне малину соберем, заморозим, а осенью отправляем в разные страны как прекрасный и дорогой деликатес. В личном пользовании наших крестьян 45 гектаров малины. С них идет на экспорт ежегодно 60 вагонов этой ягоды.

В области Фейер я была на личных подворьях, где выращиваются поросята, производится молоко; в области Бараня откармливают бычков, кроликов, голубей. Именно в малых садах выращивается до 47 процентов всех знаменитых венгерских яблок. И все эти богатства вовремя закупаются и отправляются в разные концы Венгрии и в другие страны. Тесный контакт с кооперативом или госхозом, их помощь обеспечивают взаимную выгоду и мелким производителям, и кооперативу, и объединению, и всему государству в целом. Эффективно действует система прогрессивного налога, которая держит в норме экономическую и нравственную сторону дела.

Вот что сказал в беседе со мной директор научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Янош Мартон.

— В последние десять лет в венгерском селе произошли громадные перемены. И в экономике, и в социальной жизни, и в самом укладе крестьянского быта. Приходит молодой грамотный народ. У него иная психология, иной подход к делу. Это хорошо. Но плохо то, что у этих молодых людей теряется чувство хозяина кооператива. Наши поиски направлены на то, чтобы найти такие материальные стимулы, которые бы заинтересовывали крестьян в высококачественном труде, умении работать не за страх, а на совесть, без лишних указок. Наша молодежь возвращается в село. А это значит, что село и по заработку, и по жизненным удобствам, и по культуре догоняет город. Раньше в сельскохозяйственные вузы шли самые плохие ученики, а сейчас идут хорошие. Все это вселяет в нас оптимизм. Труд на земле становится притягательным, выгодным. В нашей стране нет богатых недр. Есть только земля и есть трудолюбивые люди.

А это главное.

...И БЕРЕЖЛИВОСТИ

Сергей ДАРДЫКИН, соб. корр. «Известий» — для «Ровесника»

Йожеф Солдан среди коллег человек популярный. Передовой бригадир, авторитетный профорг, ну а главное — водитель высокого класса, другого такого, говорят, еще поискать. И когда в дирекции автобазы услышали, что поговорить об экономии горючего мне прежде всего хотелось бы с кем-нибудь из шоферов, долго не раздумывали: «Солдана дождитесь, он у нас в этом деле чемпион!»

Встретились в перерыве между рейсами, разговорились, выяснилось: и правда — чемпион! И диплом соответствующий есть, и титул вполне официальный ему носить целый год до следующего состязания. Когда после прохождения сложной трассы, на которой устраивается ежегодное соревнование по бережливости топлива, у участников измерили остаток бензина в баках, у Йожефа Солдана он был рекордно велик. Мой собеседник объясняет:

— Расход бензина у одного водителя тридцать пять литров на сто километров, у другого в тех же условиях — аж за семьдесят. Откуда берется такая разница? От стиля вождения. Захотел покрасоваться, выжал газ до предела, вот и набегают за поездку лишние литры. Только не всегда принимали мы раньше в расчет эту арифметику.

— А сейчас?

— Сейчас, как у нас говорят, педаль газа напрямую связана с карманом водителя.

— Ну и как, довольны в бригаде нововведением?

— Тот, кто умеет водить с оглядкой на счетчик бензина, не жалуется, заработки выросли.

А нововведение сводится к следующему. Еще в 1980 году в Венгрии были отменены талоны на бензин, и на бензоколонках водители государственных автомашин стали расплачиваться за горючее на общих основаниях наличными деньгами. Одновременно тысячи шоферов были переведены на новую систему поощрения за экономию бензина. Стержнем ее стали новые нормы расхода горючего, гораздо более жесткие, чем прежние. Для большинства марок машин они были срезаны на пять процентов, а для шеститонных ЗИЛ-130, составляющих основу грузового автопарка страны,— на целых восемь. А теперь начинается самое интересное. Отправляясь в дальний рейс, водитель получает авансом деньги на приобретение бензина. Удалось сэкономить — забирай при перерасчете остаток денег себе, не уложился в норму — покрой разницу из своего кармана. Отчетными документами служат путевые листы и показания счетчика километров. В крупных автохозяйствах вся эта бухгалтерия поручена вычислительным машинам, и, по словам руководителей предприятий, при умелой постановке дела бухгалтерии работы не прибавилось.

Поначалу новая мера была встречена многими с опаской. Наличный расчет? Доверить шоферам крупную сумму денег, а вдруг что случится? Как наладить должный контроль? Удастся ли избежать злоупотреблений? Словом, сомнений у хозяйственников возникало множество.

К талонам привыкали годами, в глазах бухгалтеров они представлялись надежным фундаментом отчетности. А были ли им на самом деле? Вот мнение человека компетентного — генерального директора предприятия, ведающего реализацией горючего и смазочных материалов: «Нет, не были». Причина простая: многие талоны возвращались в государственную кассу окольными путями. Механику объяснил Йожеф Солдан: «Опытный водитель, конечно, и раньше экономил бензин. А как поступить с оставшимися талонами? Находились такие, что предпочитали сбывать за полцены. Экономия была, а проку от нее государству было мало».

Что же дала народному хозяйству новая система оплаты бензина? Уже само снижение норм — прямая и притом существенная экономия горючего (на сегодняшний день, по данным министерства, в государственном автопарке практически не осталось машин, расход бензина у которых превышал бы нормированный). Плюс дополнительная экономия бензина, если водителю удастся перекрыть норму. А за счет денежного выражения этой дополнительной экономии как бы формируется премиальный фонд шоферам за умелое и бережливое вождение.

Новая система вводилась главным образом в расчете на экономию, а выиграла попутно и безопасность на дорогах. И дисциплина в коллективе, добавляет Йожеф Солдан. И заинтересованность водителей в техническом состоянии автомобиля, дополнили в дирекции автобазы. Теперь уже сами водители, не считаясь с вынужденным простоем, настаивают на том, чтобы их машины как можно чаще проходили проверку на стендах. Необычайно урожайным оказался минувший год и на рационализаторские предложения, цель которых сократить расход топлива.

Само собой разумеется, что на венгерском автотранспорте и раньше существовала шкала премий за экономию. Но как ни совершенствовалась система поощрений, она практически не делала различий между водителем, сберегающим, скажем, десять литров бензина, и тем, кому удалось сэкономить все пятьдесят. Между шофером, аккуратно укладывающимся в норму, и хронически ее завышающим. Новый способ оплаты бензина премирует водителя за каждый сбереженный государству литр горючего, и в то же самое время чувствительно наказывает за каждый перерасходованный. В итоге, несмотря на то, что автомобильный парк в Венгрии продолжает постоянно расти, потребление бензина в стране сократилось.

А разве не на экономию бензина в конечном счете рассчитан постоянный контроль, установленный за грузовыми автомашинами на венгерских шоссейных дорогах? Ни один водитель, совершающий дальний рейс, не рискнет отправиться в обратный путь порожняком. Разрешенный максимум — тридцать километров. А за этой чертой — ощутимый штраф. И для водителя, и для командировавшего его предприятия. Как его избежать? Наведаться в диспетчерское бюро, имеющееся в каждом городе. И там без промедления подскажут попутный груз.

...На будапештском предприятии торговых перевозок, где работает Йожеф Солдан, ежедневно выходит на линию больше двух тысяч машин. Большинство поездок они совершают по перегруженным автотранспортом столичным улицам. В таких условиях, когда и светофоров обилие, и каждая парковка — уже проблема, и пробки — нередкая вещь, каждый сэкономленный литр бензина действительно зарабатывается лишь незаурядным водительским мастерством.

Спрашиваю у Йожефа Солдана, сколько может выгадать в месяц, учитывая все эти трудности, хороший водитель. Мой собеседник и на этот раз не спешит с ответом, подсчитывает в уме:

— Хороший? Не так уж мало. Если постарается, литров триста сэкономит.

Тут же пересчитали на форинты: солидная прибавка к зарплате и, добавим, вполне заслуженная. Сберег, а мог бы израсходовать. Норма ведь позволяет.

— Норма позволяет,— согласился Йожеф Солдан,— а вот интерес нет. Ни мой личный, ни государственный. И спросите у любого водителя, обязательно услышите в ответ: очень хорошо, что эти интересы совпадают.

«История и современность приносят все больше доказательств того, что в народных глубинах Латинской Америки продолжается и нарастает свободолюбивое движение...

И если возникают и в Западном полушарии опасные осложнения и конфликтные ситуации, то именно потому, что есть силы, которые пытаются сохранить или восстановить позиции господства, навязать народам чужеземный гнет.

Они не останавливаются перед угрозами и давлением, шантажом и блокадой, перед применением оружия, прибегают к действиям, которые сродни временам колониального разбоя».

Подборка материалов, посвященных странам Центральной Америки, опубликованная на последующих страницах журнала, может служить наглядной иллюстрацией к приведенной выше оценке положения в этом районе, которую дал товарищ Л. И. Брежнев во время пребывания в нашей стране государственной делегации Республики Никарагуа в мае нынешнего года.

Статьи, очерки, репортажи иностранных корреспондентов — документальные свидетельства очевидцев о созрев-

ТАК, ЗАБАВА

Ронни ЛОВЛЕР, американский журналист

Кампаменто Либертад лагерь военный, и у ворот стоит вооруженный часовой. Но попасть сюда оказалось совсем нетрудно.

К телефону подошел майор Джордж Гонсалес.

— Сегодня у нас военный совет,— извинился команданте.— Приходите завтра. Вас встретят у ворот.

Признаться, мы не ждали такого радушия от коменданта лагеря, где проходят военную подготовку кубинские и никарагуанские контрреволюционеры.

Следующий день был воскресенье. От Маленькой Гаваны, пригорода Майами, где живут кубинские эмигранты, до Либертад всего полчаса езды. Вскоре мы оказались у ворот с ярко нарисованными кубинским и никарагуанским флагами. Человек с автоматом неторопливо рассматривал протянутые пропуска.

Нас встретил Гектор Фабиан, как и Гонсалес, ветеран Плая-Хирон[1], начальник отдела информации лагеря и гид для журналистов. За воротами были люди, одетые в форму армии США и занимавшиеся военными упражнениями. Примерно триста человек, кубинцы и никарагуанцы. Упражнениями руководили американцы.

Американцы обругали нашего фотографа, попытавшегося их заснять, из чего мы заключили, что они предпочитают не рекламировать свое присутствие здесь.

В отличие от наших соотечественников Фабиан был общителен. От него мы узнали, что большинство парней — это «солдаты на уик-энд», то есть с понедельника по пятницу они работают, а субботы и воскресенья проводят в Либертад. Контрреволюционеров обучают действовать как в обстановке с применением обычного оружия, так и ядерного и химического. В лагере уже прошли военную подготовку более ста никарагуанцев, которых забрасывают в Никарагуа или отправляют в соседний Гондурас.

— Мы делаем все возможное,— говорит Фабиан.— Полевой бой, партизанская война, саботаж, физическая подготовка. Даже идеологическая. Все в нашей маленькой школе.

«Маленькой школой» оказалась небольшая полянка в зеленой зоне лагеря, несколько школьных досок и деревянные скамейки, на которых сидели люди с автоматами.

Весь Либертад занимает территорию в триста гектаров — земля, лес, болото,— принадлежащих нескольким кубинским бизнесменам в эмиграции. Их имена Фабиан назвать не захотел.

Кубинские военные лагеря существуют уже много лет. До недавнего времени о них мало кто знал, происходившее в них тщательно скрывалось от посторонних глаз. Но с началом правления нынешней администрации Белого дома кубинские контрреволюционеры перешли к открытым действиям.

Уже в августе 1981 года в Национальном пресс-центре в Вашингтоне Вильфредо Наварро из «Кубинос унидос» (одна из групп кубинских эмигрантов, выступающая за свержение кубинского правительства) дал интервью журналистам. Он сообщил, что его группа намерена высадиться на Гуантанамо и объявить о создании «кубинского правительства в эмиграции».

Недавно делегация кубинских эмигрантов, представлявшая так называемый комитет по спасению демократии в Сальвадоре, посетила Сальвадор. На пресс-конференции один из делегатов заявил, что кубинские эмигранты, проживающие в Майами, «готовы взять в руки оружие» и сражаться против партизан.

В Майами продолжают съезжаться эмигранты из Никарагуа. Здесь они находят радушный прием — кров, одежду, питание, оружие. Кубинцы относятся к ним с понятной симпатией.

Дело, конечно, не в бескорыстной любви. Кубинцы рассчитывают на возвращение долга — помощь в борьбе против социалистической Кубы. Но сначала партизанская война против сандинистского правительства. Во-первых, в Никарагуа проще проникнуть через Гондурас, Сальвадор и Гватемалу, враждебные сандинистам; во-вторых, непроходимые никарагуанские джунгли благоприятствуют ведению партизанской войны.

— Потом,— говорит Фабиан,— никарагуанцы сделают для нас то, что мы сделаем для них. Это они гарантируют.

---

[1] *В апреле 1961 года в бухте Кочинос на южном берегу Кубы под прикрытием вооруженных сил США высадился десант наемников, разбитый в районе Плая-Хирон.— Примеч. пер.*

шей в народных глубинах Латинской Америки решимости избавиться от чужеземного гнета и о яростном сопротивлении иноземных угнетателей, прежде всего империализма США, свободолюбивому движению народов.

Американский империализм не может свыкнуться с мыслью, что время его господства в этом районе, испокон веков считавшемся его вотчиной, подходит к концу. Вот почему приветствуемые всем прогрессивным человечеством революционные процессы в странах Центральной Америки вызывают безудержную ярость вашингтонской администрации, лихорадочные попытки навредить победившим революциям на Кубе и в Никарагуа, потопить в крови выступления патриотов Сальвадора, задушить в зародыше партизанское движение в Гватемале.

«Согласно теории, проповедуемой в учебниках для средних школ, Соединенные Штаты никогда не вмешиваются во внутренние дела других стран. На практике, однако, они делали это десятки раз и продолжают делать сейчас»,— писала недавно американская буржуазная газета «Крисчен сайенс монитор».

Знакомясь с материалами подборки, читатель сможет наглядно представить, что означает эта практика — повседневная практика страны, претендующей на роль нравственного образца для всего мира.

Подонки, бандиты, головорезы из числа кубинских эмигрантов и выкормышей свергнутого никарагуанского диктатора Сомосы, профессиональные убийцы из резервов Пентагона в роли советников правительственных войск, осуществляющих геноцид против народа Сальвадора, агенты гватемальской охранки, охотящиеся за прогрессивными деятелями этой страны — таково воинство, выступающее под покровительством США.

Но можно ли, прикрываясь ложью, скрыть истинный смысл грязных целей, которые преследует империализм, используя при этом грязные средства, которые сродни временам колониального разбоя! Как отмечал на чрезвычайной конференции Компартии США Гэс Холл: «В Центральной и Латинской Америке, особенно в Сальвадоре, Никарагуа и на Кубе, продолжается американская политика агрессии и враждебности. Но быстро нарастающая волна сопротивления большинства нашего народа и всего мира вынуждает правительство Рейгана замедлять свои акции, пересматривать позиции и маневрировать. Это тактическое маневрирование — прямая слабость в броне американского империализма, которая может стать важным фактором, способствующим провалу политики агрессии».

Так и будет!

Слова Фабиана нам подтвердил лидер никарагуанцев, проходящих военную подготовку в Либертад, соратник генерала Анастасио Сомосы.

— После свержения сандинистского правительства,— сказал он,— мы поможем расправиться с коммунистами Кубы. У нас общее дело.

Военные лагеря в Майами — секрет, который известен всем. Фабиан даже выступает по радио с призывами «объединяться на борьбу с коммунизмом».

Когда на Кубе победила революция, в Майами съехалось около 700 тысяч кубинских эмигрантов. Майами быстро стало консервативным центром латиноамериканской политической мысли. Богатые из Сальвадора, Гватемалы и Гондураса живут в Майами на собственных виллах. Они приезжают сюда отдохнуть от гражданских войн, которые ведут у себя на родине. Сыновья четырех бывших диктаторов назвали Майами своим домом. Здешний политический климат привлекает контрреволюционеров со всего света, ищущих оружие и деньги.

— Мы часто говорим о международном терроризме,— заявил конгрессмен Дэвид Бониор,— но здесь, на своей территории, мы не желаем его замечать.

Как бы то ни было, на постоянные официальные протесты никарагуанского правительства относительно военных лагерей в Майами у американской администрации ответ один — в деятельности лагерей нет ничего, что бы противоречило законам США.

Более детальный ответ дает конгрессмен Майкл Барнс:

— Допустим, ты с приятелями отправляешься на природу — порезвиться, пострелять. Ферма принадлежит тебе или кому-то из приятелей. И вы изучаете военное дело. Что здесь противозаконного? Так, забава.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

"БОМБУ ПОДЛОЖИЛИ МЫ, НУ И ЧТО?"

Алисия ЭРРЕРА ЭСКАЛОНА, венесуэльская журналистка

Когда я подходила к «Вольеру» на очередную встречу с Фредди Луго, то еще издали увидела сквозь решетку, что он разговаривает с каким-то военным. Увидев меня, тот поздоровался и ушел.

— Ну, ты процветаешь,— говорю я Фредди, он смеется и отвечает, что у таких важных персон, как он, всегда должны быть друзья среди военных. Они не только держат его в курсе событий, но и приносят деньги.

(Как я потом узнала, Луго и другие члены группы в тюрьме тоже получали зарплату от ЦРУ через американское посольство в Венесуэле.)

Фредди поднимается и идет к холодильнику. Он возвращается с картонным подносом, полным пирожных. Я беру пирожное, но настаиваю, чтобы и он взял, так как, на мой взгляд, он очень похудел.

— Да что ты? Я себя прекрасно чувствую.

— Несмотря на все проволочки, можно считать, что ты уже почти на свободе?

— Конечно, и это главное. Я ведь только потому немного нервничаю, что пока еще не решил, куда бы мне спрятаться на первое время. Мне следует поостеречься.

— А ты не преувеличиваешь?

— Ты просто не знаешь коммунистов. А потом, неизвестно, как поведут себя родственники погибших...

Я пытаюсь убедить его, что в Венесуэле ему нечего бояться, ведь ему обещали помочь.

— А я тебе говорю, что надо быть осторожным. Конечно, не следует отчаиваться и терять голову, как Эрнан.

— Он опять что-нибудь выкинул?

— Ты себе представить не можешь, как он нам навредил. Вообрази: этот подонок прямо посреди тюремного двора начал орать, что мы взорвали кубинский самолет. Мы-то с Бошем, конечно, отвернулись, когда этот псих начал вопить перед офицером и солдатами: «Да, бомбу подложили мы, ну и что?»

— Что это ему взбрело в голову?

— Ну ладно, ты свой человек, тебе-то я могу сказать, но боже упаси, если ты вздумаешь проговориться... Дело в том, что это были действительно мы. Эрнан там, в Тринидаде, обо всем рассказал. Выболтать такие вещи!

— Так ты говоришь, что самолет взорвался, вы...

Он мне не дает закончить:

— Ты знаешь, некоторые газеты описали нашу акцию в точности, как было. А ведь мы рассчитывали, что никто ничего не пронюхает. Во всем виноват Эрнан. Он еще в самолете вел себя как трус. За километр было видно, как он трясется. Сидел весь красный, потный и не знал, куда руки деть.

— А как же вы подложили взрывное устройство?

Фредди Луго замолкает. Неужели он решил на этом закончить свой рассказ? Но я ошибаюсь.

— Ну ладно, гори все синим пламенем, ведь ты свой человек.— Он делает паузу и усаживается поудобнее на стуле.— Ну так вот. Эрнан сказал, что идет в туалет, а в кармане у него эта штуковина. Вижу, он не возвращается, а времени уже прошло довольно много. И вдруг слышу, кто-то барабанит в дверь, сзади, там, где туалет. Это был Эрнан, у него дверь заклинило. Пришлось выйти пилоту, чтобы вытащить его оттуда. Вот был концерт, все пассажиры повернулись, чтобы поглядеть на него... А когда он уселся, вижу, пакета у него в кармане уже нет. Я его спрашиваю: «Ну как?», а он говорит, что потом расскажет, но «все в порядке».

— Так, значит, он в туалете подложил бомбу...

— Ну да... А знаешь, почему он не мог выйти? Нервы подвели!

— Это когда вы вылетели в Барбадос?

— Да нет, мы уже приближались к Барбадосу. Потом он мне сказал, что ему показалось, будто устройство взорвется сразу же, вот он и сдрейфил. Вообще говоря, мне тоже было не по себе. Конечно, весь план провалил Эрнан...

Он смотрит на меня и продолжает:

— Я расскажу тебе, и ты сама увидишь. Дело в том, что, когда он уговорил меня ввязаться в это дело, было решено, что в случае опасности последнее слово будет за ним. Так и получилось. А он в отеле «Вилледж» наломал дров: стал трезвонить по телефону, разыскивая доктора Боша. Наконец из Каракаса позвонил Посада, и Эрнан сказал, что мы попали в переплет, что птичка упала и, говорят, кое-кто остался в живых. Я помню все, как будто это было вчера, помню, как Эрнан сказал Посаде: «Сообщи обо всем шефу».

Грохот решетки заставляет Луго замолчать. Мне кажется, что все пропало, что он не станет рассказывать до конца всю правду о кровавом преступлении над Барбадосом. Впрочем, для меня уже окончательно ясно, что Луго в паре с Эрнаном Рикардо были исполнителями этой чудовищной акции. А задумали ее и подготовили Орландо Бош и Луис Посада Каррилес.

— Это мне обед принесли,— говорит он, усаживаясь.

— Почему же ты от него отказался?

— Нам всегда приносят обед, но я почти никогда не беру. То, что приносят из дома, лучше. А вообще-то здесь готовят вполне прилично.

— Так что, Фредди, было потом?

— Подожди, на чем я остановился.— Он задумывается.— Ах да! Ну, мы решили покататься по городу, чтобы отвлечься. Сели в такси, и шофер стал рассказывать о катастрофе, которая произошла с самолетом, летевшим на Кубу. Эрнан глядит ему в рот и начинает выспрашивать подробности. А когда таксист сказал, что сто человек погибло, а более десяти удалось спасти, Эрнан совсем обалдел и заорал: «Ну и дела, черт побери!»

— Что меня здесь поражает, так это твое спокойствие.

— Да нет, детка, меня тоже трясло. И не потому, что погибли эти коммунисты, а потому, что подозрение падет на нас с Эрнаном: ведь мы сошли в Барбадосе.

— А как же вас арестовали?

— Так вот. Эрнану взбрело в голову, что мы должны перебраться в Тринидад. В гостинице Барбадоса мы оставили некоторые наши вещи, чтобы сбить со следа полицию, если она начнет нас разыскивать. В Тринидаде мы остановились в отеле «Холидей инн». Помню, было около десяти вечера. Мы рано легли спать, потому что, по правде говоря, были измотаны. А чуть свет несколько негров забарабанили в дверь. Я открыл, это была полиция. Они вошли, перевернули все вверх дном и арестовали нас.

В Тринидаде нам пришлось во всем признаться. Начал Эрнан. Он ругался и кричал, что да, это сделал он, что он борец против коммунизма. Но когда нас стали вызывать на допрос поодиночке, Эрнан решил свалить все на меня. Ну, и мне не осталось ничего другого, как рассказать всю правду. Да и скрывать уже было бесполезно. Эрнан все разболтал.

Фредди Луго говорит, что больше всего он боялся, чтобы «те негры» (как будто он сам не негр) не вздумали его пытать.

Мне стало жутко, когда Орландо Бош и Фредди Луго приоткрыли дверцу в свой мир. Особенно старался Бош, который во время наших последних встреч принялся откровенничать со мной о диверсиях, совершенных им и его группой во имя «войны против коммунизма», которую он сам пышно величал «глобальной и беспощадной».

Венесуэльская журналистка Алисия Эррера Эскалона, навещая в тюрьме своего знакомого, узнала о преступлениях террористической банды, руководимой ЦРУ. Она решила написать книгу, чтобы «добиться полного и уничтожающего разоблачения» этих людей.

Вначале мне казалось, что Бош всего лишь один из тех неизлечимо тщеславных людей, которые задыхаются без внимания окружающих, чем и объясняется его страсть к фантастическому нанизыванию ужасов. Вскоре, однако, мне пришлось расстаться с этими иллюзиями. Чем больше откровенничал Бош, тем явственнее передо мной представала фигура законченного террориста. Это был убийца в засаде, выжидающий удобного момента, клокочущий от неудовлетворенной ненависти к своей бывшей родине — социалистической Кубе. Нелегко было общаться с этими страшными людьми. И все же, как журналистка, я понимала, что мой долг добиться их полного и уничтожающего разоблачения. Не могла я оставаться равнодушной и выслушивать угрозы в адрес моей страны, которые так и сыпались из уст Боша. В «Казармах Сан-Карлоса»[1] перебирали возможности подстроить нечто такое грандиозное правительству Венесуэлы, чтобы оно отказалось от своей твердой политики и решимости во что бы то ни стало довести до конца расследование катастрофы, происшедшей с кубинским самолетом.

— Видишь ли,— говорил Бош,— сейчас я приказал своим людям, чтобы они сидели тихо как мыши. Моим принципом всегда было нанести удар и выждать реакцию... И это себя оправдало. Но мои парни вне себя. Они требуют решительных действий и только ждут указаний. Если мы кое-кому подложим кое-что или как следует припугнем...

Бош захохотал, потирая руки от удовольствия, и добавил, что стоит ему только выйти за ворота тюрьмы, и он покончит «со всеми этими коммунистами, маскирующимися под демократов».

— Если раньше меня коечто останавливало, то уж теперь я более чем уверен, что надо убирать с пути все, что мешает нашей борьбе за освобождение человечества от коммунизма.

— Да, много вам предстоит работы когда вы выйдете отсюда,— говорит Фредди Луго, глядя на Боша.

— Не мне, а нам. Так-то, дорогой.

[1] *Тюрьма в Каракасе.— Примеч. пер.*

— Человек должен рассчитывать только на себя, Алисия, — говорит мне Бош.— Я тебе приведу один пример, когда я попал в Чили (а ведь, когда я приехал сюда, в Каракас, меня вышвырнули под предлогом, что у меня фальшивый паспорт. Это была первая свинья из тех, что мне подложили ваши демократы, ха-ха). Так вот, когда я оказался в Сантьяго, ДИНА[1] меня арестовала и обошлась со мной не очень-то вежливо. Вот тогда-то мои друзья[2] меня выручили... Так вот я и говорю, бывает, когда человек нуждается в поддержке. А эти полицейские, что со мной дурно обошлись, вынуждены были просить прощения... они, видите ли, не знали, с кем имеют дело. Ведь нас объединяет общее дело; борьба против коммунизма очень сплотила нас с чилийцами.

В то время, когда Орландо Бош жил в Чили, он, по его словам, мог спокойней, чем где бы то ни было, заниматься организацией своей будущей деятельности. Тогда у него была возможность четко разработать далеко идущие планы борьбы против острова Свободы, убийства государственных деятелей, придерживающихся прогрессивных взглядов.

Между его группой и Национальным разведывательным управлением Чили (ДИНА) установилась тесная связь. Особенно это проявилось в организации покушения на бывшего командующего вооруженными силами Чили Карлоса Пратса, когда вместе с ним в Аргентине погибла и его жена. В Риме в результате совместной акции чилийских и кубинских террористов были тяжело ранены бывший заместитель председателя Христианско-демократической партии Чили в эмиграции Бернардо Лейтон и его супруга. (Как видите, Орландо Бош вышел за рамки борьбы против Кубы. Его цель — убивать и необязательно коммунистов.)

— Наша организация «Кубинские действия»,— продолжает Бош,— приобретала все большую известность. А я всегда считал, что пропаганда — это главное в нашей работе. Если про наши действия узнают все, нас поддержат. Поэтому, когда там, в Сантьяго, ко мне обратились несколько журналистов, я изложил им свой план войны. Войны, которую я веду сейчас и буду вести повсюду до тех пор, пока не добьюсь своей цели. Мы с успехом выполняли все задуманное нами. Мы хорошенько напугали в Аргентине кубинского посла. Еще чуть-чуть, и мы бы его ликвидировали. Кроме того, мы взорвали бомбы в посольствах и консульствах Кубы в Канаде, Перу, Мексике... Да и здесь, в Каракасе, нам удалось как следует проучить панамцев. Я приказал подложить им хорошенькую «игрушку»... Война есть война, Алисия. Я не устаю повторять это своим ребятам. Но для того, чтобы бороться, нужны деньги, много денег.

В камеру к Бошу входит Фредди Луго и спрашивает, о чем это мы беседуем.

— Да я ничего такого не рассказывал, ты много раз слышал все это. Просто я стал вспоминать все те акции и планы, которые нам удалось осуществить. И как раз рассказывал Алисии о некоторых наиболее удачных.

— А самое интересное,— добавляет Фредди,— что им не удалось вас сцапать, а, доктор!

Бош надувается, как индюк. Он обожает всякую лесть, и Луго умело подыгрывает ему.

— Да, сцапать меня весьма трудно, хотя в Коста-Рике нам пришлось туго из-за того, что мы немного поспешили... В дерьмовом же положении мы тогда оказались! А ведь все было прекрасно задумано, и в Сан-Хосе все шло чудесно: мы посетили редакции газет, встретились с друзьями, помощниками. Все шло к тому, что мы успешно выполним задуманное, а задумали мы тогда убрать одного коммуниста. Но что-то не сработало, мы даже и не поняли что, и я оказался за решеткой. И только мои друзья, а они меня никогда не оставляют в беде, вытащили меня оттуда.

Удовольствие, с каким этот человек повествует о зверствах, совершенных им или его друзьями, проявляется в отталкивающем жесте, каким он сопровождает свой рассказ: он облизывает губы и потирает руки. Возбуждение, овладевавшее Бошем во время рассказов, описать невозможно. Передышки становились все более короткими, и он замолкал лишь тогда, когда надо было снова зажечь сигару.

— Тут многое зависит от везения, в таких делах это очень важно. Вот, например, когда у нас провалилось похищение кубинского консула в Мериде (Мексика), хотя мы и ликвидировали одного из служащих, который был с ним, все обошлось более или менее спокойно: хотя одного из наших схватили, наш друг сумел освободить его, и теперь тот живет себе в Майами... Вот что значит везение!

Я давно уже в курсе самых различных подробностей его преступных рейдов. Но наверняка он может добавить что-то новое, поэтому мне пришло в голову спросить, удалось ли им проникнуть в Европу.

— Видишь ли, Алисия, я со своими людьми действую в основном в Америке. Если мы, например, видим, что какая-либо страна проявляет сочувствие к Кубе, мы отправляемся туда и подкладываем им там бомбы. Так было с Гайаной, когда в их посольстве в Тринидад и Тобаго мы взорвали хорошенькую «игрушку»; с Панамой, которая получила свою порцию на авиалинии «Эйр Панама»; в Колумбии мы тоже отметились, разукрасили представительство «Кубана де Авьясьон» на Барбадосе... Всего и не припомнишь. Но, возвращаясь к твоему вопросу о Европе, я могу тебе сказать, что мы и там кое-что предпринимали, а впрочем, и сейчас предпринимаем!

Пусть вас не удивляет,— говорит он с неискоренимым кубинским акцентом,— вся эта война ведется в самых различных местах. Мы должны быть повсюду, где только можем «достать» хоть одного коммуниста.

Выходя из камеры Луго и Боша, я чувствовала себя опустошенной. Но в то же время я узнала много нового. Мне стоило больших усилий не показывать своего отвращения, гнева и презрения ко всем этим «подвигам». Я понимала, что мне предстоит еще долго выдерживать свою роль.

Перевел с испанского
В. ЮРИСТ

[1] *ДИНА — военная контрразведка, сейчас ее функции исполняет Национальный информационный центр (НИЦ).— Примеч. пер.*

[2] *Здесь и далее друзьями Бош называет свое начальство в ЦРУ.— Примеч. пер.*

ЗАЩИТНИКИ ПОБЕДИВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ян КАШПАР,
чехословацкий журналист

Мы идем на север. Идем узким заболоченным руслом в зеленом тоннеле зарослей. Идем осторожно. Нас четверо. Кристобаль, Альваро и Рауль — солдаты специальных подразделений пограничной службы никарагуанской армии. На каждом маскировочная форма и еще фляжка с водой, нож, автомат и три запасных магазина. У меня шесть запасных магазинов.

Позади остается последний одинокий крестьянский домишко, спрятанный в зарослях. Мы идем дальше к гондурасской границе в обычный, вполне безопасный (надеюсь) патрульный обход. Идем в двадцати метрах друг от друга. Впереди Кристобаль постепенно поднимается из неглубокой ложбины на гребень низкого холма. Перед самым верхом он замедляет шаг и взводит затвор автомата. Альваро останавливается. Рауль, который идет за мной, тоже. Стоим и смотрим на вершину холма. Кристобаль делает еще два шага, потом быстро ложится и исчезает в густой зелени.

Лежим на земле в мокрой глине, Рауль выразительным жестом показывает мне, чтобы я приготовил автомат, Альваро взглядом просит меня, чтобы я целил не в него, а на вершину холма; я стараюсь вести себя так же, как эти мужественные парни.

Во рту у меня глина...

Когда десять дней назад я открывал в Манагуа железную калитку, ведущую в садик перед виллой, где Фронт национального освобождения имени Аугусто Сандино поселяет своих иностранных гостей, дежурный приветствовал меня из окна, помахивая белым конвертом.

За виллой деревянная полуразрушенная лавчонка, где продают запасные части ко всему на свете. За лавчонкой на запущенном участке расположилась танцплощадка «Гальпон», здесь пьют пиво с банановым белым ромом далеко за полночь. Через улицу-за высокими деревьями тянется на несколько кварталов задняя стена западных трибун бывшего сомосовского стадиона для бейсбола, который перестали использовать после землетрясения в январе 1972 года.

Поэтически настроенный турист, увидев такое окружение одинокой белой виллы, ради символики не пожалел бы красок: в ночи пьяные крики и декадентское танго мелкой буржуазии, а с первыми лучами солнца революционный пролетариат стучит молотом, перестраивая стадион.

На виллу я приходил только ночевать, а целый день мотался по городу; искал способ, как попасть на северную границу. В 1980 году я был в Никарагуа три месяца [1], и у меня осталось много друзей. Теперь я всех их обошел.

— Вот оно,— сказал мне дежурный (21 год, вечером учится в средней школе) и церемонно подал конверт.

В конверте была бумага:

«Товарищ, ваша просьба решена положительно. Можете выехать с бригадой «Эзекиль». Завтра в шесть вечера вы должны быть в доме, который называется «Монимбо». Дом находится в Манагуа недалеко от отеля «Интерконтиненталь». В нем расположено отделение народной сандинистской армии по связям с органами безопасности. Спросите там товарища Бетти, если ее не будет, часовой скажет, что вам делать. Приготовьтесь, что, возможно, ночевать придется в «Монимбо».

Свободная родина или смерть.

Сердечно ваш подпись».

В восемь вечера в Манагуа тишь и покой. Только я нервничаю, нажимая звонок на дверях дома с названием «Монимбо». Я готов ночевать не только здесь, а где угодно.

Бетти я нашел в кухне, на ней была оливковая форма с закатанными до локтя рукавами. Она готовила себе ужин. Я выпил чашку кофе и старался держаться как бывалый солдат. Бетти сказала, что меня ждет капитан Санчес, уже час, сухо добавила она и отвела меня к нему.

Капитан Санчес стоял за огромным письменным столом, на котором был мраморный стаканчик с флажками Сандинистского фронта (красно-черный) и никарагуанским (сине-белый). На капитане была оливковая форма с тремя серебряными капитанскими полосками на плечах и — закатанные рукава. С седыми волосами ежиком, он казался, если подходить по нынешним меркам к никарагуанскому революционному аппарату, несколько старым. Было ему, наверное, сорок.

— У тебя хорошие рекомендующие,— сказал он, когда я сел.— Вступишь в нашу армию. Не как солдат. Как журналист, конечно. Но это все равно: бандиты убивают солдат, крестьян, журналистов. Когда кого встретят. Поэтому будешь соблюдать дисциплину, выполнять приказы, ходить в форме, а в соответствующих ситуациях пользоваться соответствующим оружием. У тебя не будет увольнительных, иногда еды, иногда постели. Завтра утром поедешь в Хинотеги, там школа подготовки народной милиции, а потом в Окоталь, на границу. Там ты найдешь капитана Маирена. С ним с тобой ничего не случится. А когда вернешься, надеюсь, что целый, расскажешь мне, что видел, а я тебе скажу, правильно ли ты смотрел. И главное, никаких глупостей.

На этом он закончил беседу. Мне очень хотелось отдать честь, но без фуражки это выглядело бы глупо, я повернулся кругом и пошел в кухню.

— Боишься? — спросила Бетти.

— Ни капельки! — выкрикнул я.

Бетти посмотрела на меня как на ненормального и сказала, чтобы шел спать, а в пять утра она меня разбудит.

Никарагуанская северная граница тянется на шестьсот километров. На западе она продолжается в заливе Фонсека и в Тихом океане уже становится границей между тремя государствами: Никарагуа, Гондурасом и Сальвадором.

Никарагуанская северная граница идет от берегов Тихого океана к Кордильерам, к Панамериканской автостраде, которая пересекает границу в Эль-Эспино и идет по департаменту Нуэва-Сеговия; северная граница проходит через неприступные леса Кордильера-Исабелья, спускается вдоль реки Бокай к

[1] *Никарагуанский дневник.— См.: «Ровесник» № 2, 3 за 1981 год.*

дальше вправо, народ отверг единство с такой буржуазией, которая предала интересы страны ради амбиций Вашингтона и в ряде случаев политические споры решала выстрелами. Народная сандинистская революция выбрала другую дорогу, по этой дороге пошел народ.

В республике начались трудности, и речь пошла уже не только о программе, но и о возможности выполнить ее. Враг взялся за оружие. Сандинистской армии стало недостаточно, родилась народная милиция.

Народная сандинистская революция рекрутирует своих солдат и милиционеров из рядов рабочих, крестьян, интеллигентов, служащих и студентов. Враг имеет пятитысячную армию в Гондурасе. Часть офицеров национальной гвардии во главе с сыном Сомосы проходит обучение в военных лагерях во Флориде. (Сам диктатор был убит в своем пуленепробиваемом «мерседесе» на тихой улочке парагвайской столицы, где он скрывался от народного правосудия.)

Контрреволюционные банды просачиваются через северную границу из Гондураса по направлению к департаменту Нуэва-Сеговия или через труднодоступные горы в районе Монте-Киламбе. Границу от контрреволюционных банд охраняет оперативный отряд — бригада «Эзекиль».

болотистым низинам, к дубовым лесам и саваннам безлюдного побережья Карибского моря.

Когда 19 июля 1979 года отряды Фронта национального освобождения вступили в Манагуа (там диктатора уже не было: он бежал, обвешанный чемоданами и министрами, на самолете в Соединенные Штаты), разбитым отрядам национальной гвардии удалось пробиться на север, по направлению к Гондурасу.

Первое правительство национального возрождения предложило народу, истерзанному кровавой войной, политический мир и широкое единство, и главнейшей задачей на первый год правительство себе поставило программу восстановления страны. Единение не касалось только камарильи Анастасио Сомосы и десятитысячной национальной гвардии.

Никто никогда и нигде не говорил о кровавой мести, о смертном наказании для тех национальных гвардейцев, которые добровольно передали бы себя революционной справедливости. Наоборот. Речь шла только о перевоспитании, и приговоров к высшей мере было поразительно мало, если принять во внимание 50 тысяч жертв кровавой диктатуры. Национальные гвардейцы, полумертвые от страха, одураченные слухами, которые распускали внутренние враги, сандинистам не верили. Сотни из них бежали в Гондурас, нарушили перемирие, и за это заплатили жизнью. Окончательный баланс примерно такой. Пять тысяч в эмиграции, пять тысяч интернированы.

Классовый мир в Никарагуа продержался недолго. Нежелание правых финансировать социальную программу правительства, увеличивать капиталовложения и выпуск продукции и решение Соединенных Штатов рассматривать двухмиллионную Никарагуа как угрозу двухсотмиллионным США изменили обстановку в стране.

Правое крыло пошло еще

«Джип» съезжает с асфальтового шоссе на размолоченную дорогу, а с нее на мост. На мосту стоит военный патруль, которому нет дела до того, что в «джипе» за рулем щеголеватый подпоручик из Манагуа. Рядом с подпоручиком, сидит штатский с фотоаппаратом на шее, и для солдат, закутанных в плащ-палатки, потому что льет проливной ливень, это кажется разумным поводом проверить машину. Вынимаю из кармана рекомендательное письмо. Командир патруля всовывает в «джип» голову, чтобы письмо не намокло, и очень медленно, по складам, провозглашает мое имя, фамилию, номер паспорта... подпоручик нетерпеливо постукивает рукой по рулю.

— Успокойся, товарищ,— говорит ему солдат и возвращает мне письмо.— Я только год, как умею читать.— И отдает честь по уставу.

Подпоручик прикладывает палец к козырьку фуражки, переключает скорость, мы переезжаем мост и вылетаем к развилке, откуда дорога идет к главным воротам, за которыми находится школа военного обучения имени Эдуардо Контрероса. Эдуардо Контрерос — герой никарагуанской революции, погиб в 1976 году. Школа была основана осенью 1980 года для того, чтобы ее выпускники несли службу на северной границе и постепенно стали ядром будущей народной армии.

А я (как выяснилось) плохо понял инструкцию капитана Санчеса, когда вообразил, что буду здесь одолевать военную подготовку, спать на земле, ползать по болотам и каждое утро делать сто приседаний. В день, когда я приехал в школу, там шел выпуск милиционеров из города Дирьямба, и все готовились к торжествам. Я сразу же попросил выдать мне форму, начальник школы с минуту смотрел на меня как коллекционер на редчайшую бабочку. Отложив решение о моей воинской карьере на завтра, он поручил мне, не мешая торжествам, заняться фотографированием и осмотром школы.

До начала парада оставалось около часа. С одной стороны широкой площади стояла трибуна, по другую сторону — низкие деревянные зеленые дома, возле них грелись на солнце (дождь кончился так же неожиданно, как и начался) милиционеры из Дирьямбы в серых рубашках и зеленых брюках. В ожидании парада и приезда родственников они начищали до блеска ботинки и старательно расчесывали проборы, посмеиваясь друг над другом. Оружие у всех без патронов, только патруль, избранный из их рядов, ходит величественно, свободным шагом, являя собой живой пример, что иметь магазин с патронами — это высокая честь, и ее надо заслужить. Большинство милиционеров — с первого взгляда ясно — бедняки. Честь быть милиционером и право носить оружие делает из них львов. Позади месячные курсы военного обучения. Более старшие выпускники с военными делами столкнулись впервые в жизни. А молодые два года назад вынесли на себе жестокие бои гражданской войны, когда с дробовиками и самодельными бомбами шли на национальных гвардейцев, одетых в пуленепробиваемые жилеты. Те, что остались живы, за два года войны повзрослели на десять лет. И теперь сидят рядом на пороге, греясь на солнце, сорокалетний крестьянин, который не воевал, во время войны он должен был кормить десятерых детей, и пятнадцатилетний подросток. Ненависть к тирану погнала его на баррикады с украденным револьвером 22-го калибра. Мальчишке повезло, он остался жив, потеряв в боях трех братьев и шестерых сестер.

Соседний комплекс деревянных домов — для офицеров, которые здесь преподают. Офицеры в основном моложе, чем милиционеры, и это нормально, недаром какой-то французский остряк назвал никарагуанскую революцию «революцией мальчишек».

Начальник школы сидит в своей канцелярии и ждет приезда официальных гостей; в кухне варится обед; три босых милиционера отскабливают деревянный пол столовой.

Перед столовой стоит шестилетний парень в зеленой форме, шитой ему по мерке, и почти падает под тяжестью огромного ружья, он позирует фотографу из газеты «Нуэво диарио», который приехал сделать статью о торжественном выпуске милиционеров. Фотография через два дня появится в газете с подписью «Самый молодой милиционер». Но это просто шутка, потому что обстановка в сегодняшней Никарагуа не такая, чтобы на защиту страны вставали малые дети.

Митинг был торжественным и коротким: на следующий день в Карибском море начинались совместные маневры армий США и Гондураса под названием «Алькон виста» («Соколиный глаз»).

Выступил главный оратор (офицер из генерального штаба), посмотрел на небо и сказал новым милиционерам из Дирьямбы:

— Не вижу никакого сокола. Вижу отряд бойцов, подготовленных, полных решимости защищать свою родину до последнего выстрела под знаменем бригады «Эзекиль». Не мы хотим войны, но, если кровь снова зальет наши поля, мы в тысячу раз охотней предпочтем умереть, чем принять «свободу» по-американски. Свободная родина или смерть!

Милиционеры из Дирьямбы, гордо вскинув головы, запели народный гимн, перед трибуной прошли три лучших взвода, незадолго перед этим удостоенные вымпелов с полосками желтого, синего и красного цветов — награда за отличные успехи в боевой и политической подготовке.

Ненадолго установилась тишина, а потом под трибуной заиграл народный оркестр из Хинотеги, и младшие офицеры пригласили танцевать журналисток из Манагуа, а в тот момент к школе подъехало несколько цветных автобусов из Дирьямбы, и между рядами только что произведенных в прапорщики милиционеров разбежались мамы, бабушки, дети, жены, возлюбленные и соседи, неся узелки с едой и свежайшие новости из Дирьямбы.

Веселье длилось до вечера, пришла пора расставаться, слезы, причитания. Милиционерам предстояла месячная служба на границе, а жены, возлюбленные и матери, конечно же, боялись за своих любимых.

На женском упрямстве погорел пятнадцатилетний герой, единственный из четырех братьев оставшийся в живых. Его мать была рада, когда он поступил в школу, и согласилась бы, чтоб он учился хоть целый век, но она вовсе не собиралась разрешить ему рисковать жизнью на границе. Со слезами на глазах, заклиная именами трех погибших братьев, она упрашивала его вернуться домой. Парень только наморщил нос и надвинул на глаза фуражку. Мать не сдалась и пошла к начальнику школы. Тот ей объяснил, что он и в мыслях не держал послать ее сына на границу, она может быть совершенно спокойна, через пару дней сын вернется домой. Тут разволновался герой, он преследовал начальника и умолял отменить приказ и послать его на границу, потому что он не переживет такого позора, он уже вполне взрослый, он участвовал в войне... Начальник был как камень. Парень пошел в казарму, свернулся калачиком, укрылся с головой одеялом и, безутешный, уснул. Мать уехала с автобусом домой.

Пока было еще светло, я обходил прощавшихся, фотографировал бурные объятия и нежные взгляды, как вдруг меня тронул за плечо помощник политрука и спросил, зачем я это делаю.

— По приказу начальника школы,— ответил я и продолжал фотографировать.

За ужином он подсел ко мне и спросил с озабоченным лицом, представляю ли я, что получится, если эти фотографии будут напечатаны. Я не представлял.

— Ими воспользуется империализм.

— Каким образом?

— Будут твердить, что мы заставляем крестьян служить в милиции.

— Таких дураков, что поверят, уже нету.

— Еще хватает.

— У нас тоже матери плачут, когда сыновья идут на военную службу и даже когда женятся.

— Серьезно?

Последний довод его сразил.

Форма была мне как раз, кроме ботинок, которые жали. Я их снял и ходил в кедах. Никто не обратил на это внимания, потому что меня как солдата (вопреки инструкции капитана Санчеса) никто не принимал всерьез. Я был гость из далекой дружественной страны. Я пробыл в школе три дня, ждал машину, которая должна отвезти меня на границу, играл с милиционерами в волейбол, фасовал порошки против малярии из больших мешков в маленькие пакетики под наблюдением инспектора из местного отделения министерства здравоохранения, участвовал в митинге, посвященном четырнадцатой годовщине со дня гибели Че Гевары в боливийских горах (9 октября).

...Во рту у меня глина. Хочу ее выплюнуть, не получается. Лежим у края ложбины между гниющими листьями бананов. Рауль в десяти метрах сзади меня по правую руку, когда поворачиваю голову, вижу его лицо. Лицо бледное, он облизывает губы, указательным пальцем поглаживает спусковой крючок автомата.

Чего он боится?

Я боюсь потому, что не

понимаю, что произошло. А почему боится он?

— Что случилось? — шепчу я. Он чуть пожимает плечами.

— Все нормально.

Нормально? Лежу в гниющей листве, в руках автомат, целюсь в вершину холма, а там никого нет. Никогда я не умел ползать, но сейчас у меня получается хорошо, когда я ползу двадцать метров вверх, туда, где вижу фуражку Альваро. Под фуражкой нахожу Альваро.

— Что случилось?

— Черт его знает.— И он указывает на заросли, где исчез Кристобаль.— Он где-то там, подождем его,— говорит Альваро.

Ждем Кристобаля, он не торопится. Наконец он появляется немного сбоку от нас, осторожно садится на корточки и говорит, чтобы мы шли за ним. Идем за Кристобалем. Он показывает на вершину холма и говорит:

— Там свежие следы.

— Куда идут? — спрашивает Рауль.

— К границе,— говорит Кристобаль и показывает в ту сторону, куда направляемся и мы. Немного спустя следы исчезают, затерявшись в траве.

Я иду третьим в ряду, и неожиданное чувство уверенности (неоправданной) подсказывает, что все это — театр для гостя. Насколько я знаю, мы же в Никарагуа, не в Гондурасе. Мы идем в обычный, регулярный десятикилометровый обход границы, который эти парни делают каждый день. Они здесь хозяева, думаю я, а не те сапоги, отпечатки которых мы видели в мокрой глине...

Мы выходим на холм, за холмом дом. Это первое жилье за тот час, что мы делаем обход. Вообще-то это не дом, а глиняный сарай, скорее всего пустой. Кристобаль, он впереди и самый спокойный, расставляет нас на приличном расстоянии от двери, я делаю то же, что и все: опускаюсь на правое колено, опираюсь о дерево и направляю автомат на окно. Наш командир с автоматом наготове, прижимаясь к стене, обходит дом и с профессиональной резкостью (знаю это по фильмам) врывается в дом.

Ничего. Меня это уже не забавляет.

— И так вы у каждого сарая?

— Это не «каждый сарай», это кухня тех гадов,— говорит Кристобаль.

— ?!

— Кто-то приходит сюда через ночь и варит ужин.

— А что делает днем? — спрашиваю я.

— В полдень обедает, а сейчас полдень,— говорит Рауль, и он прав. Сейчас десять минут первого.

Я смотрю на них на всех по очереди. Кристобаль, Альваро, Рауль. Страшная догадка мелькает в голове. У меня нет с собой паспорта.

— Почему вы мне не сказали, что мы в Гондурасе? — спрашиваю я.

— А мы не в Гондурасе,— говорит Альваро и смотрит на меня как на идиота.

— Мы в Никарагуа, в пятистах метрах от границы,— говорит Рауль.

А Кристобаль смеется и показывает на высокое дерево, которое стоит на первом взгорке по направлению к границе.

— Неделю назад их тут было двадцать, ждали нас.

— Когда? — спрашиваю я.

— В это же время,— говорит Альваро, а я опускаюсь на пень, хватаюсь за спусковой крючок автомата и обсматриваю все деревья вокруг, все ямы и все кусты и на этом (наименее удобном) месте слушаю всю правду про границу.

Гондурасское правительство на первый взгляд нейтрально. Гондурасское правительство нейтрально до тех пор, пока этого хотят Соединенные Штаты. С никарагуанской стороны граница удалена от населенных пунктов и значительных коммуникаций. Между границей и первым городом (Окоталь) лежат сосновые леса и труднопроходимые заросли, которые теряются в ущельях.

Другая картина с гондурасской стороны. Широкое шоссе идет с запада на восток, почти примыкая к пограничной линии. Пять тысяч бывших сомосовских гвардейцев живут в Гондурасе. Гондурасская армия и пограничная служба официально не имеют к ним никакого отношения. Гондурасская армия состоит из офицеров и наемников (американских), между офицерами гондурасской армии, наемниками и никарагуанскими контрреволюционерами отношения самые сердечные.

У никарагуанской контрреволюции цель одна: убивать и уничтожать в массовом порядке все, что есть на другой стороне. Характер границы позволяет бывшим сомосовским гвардейцам прямо с гондурасского шоссе переходить в Никарагуа. И когда они совершают такие переходы, то тем самым нарушают суверенитет независимой страны. Суверенитет Республики Никарагуа охраняют отряды пограничников, и делают это они на местности, которая им не помогает. Банда из десяти (или тридцати) человек, спрятавшись в густых зарослях, поджидает пограничный наряд из двух человек, который регулярно делает обход своего участка, зная, что его сторожит смерть. Участок длинный — десять (или тридцать) километров, а темные закоулки на каждом шагу. Если банда не дождалась пограничников, через полчаса она уже на гондурасском шоссе и может быстро на машинах переехать на другой участок, где уже наверняка дождется. Единственный сигнал о нападении — выстрел. На границе нельзя стрелять без повода, потому что все живущие здесь знают: если раздался выстрел, каждый, у кого есть оружие и ноги, должен бежать на помощь.

В местах, где банды зверствуют с наглой уверенностью, потому что гондурасский тыл рядом, живут крестьяне. У них роль особая и незавидная. Большинство из них пытается оставаться нейтральными, потому что, если бы поддерживали своих, бандиты бы их сразу прирезали. И делали это уж столько раз, что пограничные патрули запретили крестьянам вступать в конфликт с бандитами: это дело солдат.

Неделю назад Кристобаль столкнулся с бандой. Ему повезло — отделался простреленным ремнем автомата. Когда пуля ударила в ремень автомата, Кристобаль упал на землю и стал стрелять в гущу зелени, где было двадцать бывших гвардейцев с автоматами. Своих убитых они утаскивают в Гондурас. Никарагуанская пограничная служба имеет на гондурасской стороне своих информаторов. Кристобалю удалось подстрелить в тот день пятерых бандитов.

Я сползаю с пня на землю. Тот факт, что где угодно и когда угодно могу получить пулю в голову или живот, не кажется мне невероятным.

Идем дальше. К счастью, к дому.

Мой страх заглушает знание, что я не один и что эти парни (в отличие от меня) будут ходить здесь до тех пор, пока не будет уничтожена контрреволюция.

Лауреано Маирена, тридцатилетний капитан, командир гарнизона в Окотале и герой южного фронта во времена гражданской войны. Вечером он ждал меня в гарнизонной столовой, потому что знал, как я буду выглядеть. Когда я приехал в Окоталь, я просил его быстро устроить мне небольшое доступное приключение, а он смеялся.

Повар принес мне мясо, фасоль и рис, а Маирена сидел напротив меня, глядел, курил и ждал, пока доем.

— Твои люди — герои, мне хватило одного обхода — и все, я готов.

— Это их работа, они пограничники. Они охраняют свою страну против бандитов на чужом жалованье.

— Но ведь это нелегко.

— Нелегко, потому что там нет границы и нет ни дорог, ни жилья. Нам там приходится воевать, чтобы контрреволюция не влезла в города, не обосновалась где-нибудь без нашего ведома. Это очень плохая территория для того, кто идет в гору. Во время войны мы были в горах и обстреливали гвардейцев, теперь эти наемные предатели хотели бы засесть в горах.

— Это дорогая война.

— Умрем все один раз,— сказал Маирена,— нам по крайней мере выпало счастье, умирая, знать за что.

— Я пошел спать,— сказал я.

— Иди,— сказал Маирена,— и не бойся, завтра послезавтра и вернешься домой целый и невредимый.

Пришла ночь. Я лежал в гамаке и не спал, с полночи начали кукарекать петухи, потом к ним присоединился лай псов. Мечта о приключениях исчезла в ту минуту, когда смерть перестала быть литературной темой.

Сокращенный перевод с чешского Д. ПРОШУНИНОЙ

Не прошло и двух часов, как мы покинули лагерь партизан Эль-Альто, когда там разорвалась первая бомба. Отсюда, с берега Рио-Сумпун, вьющейся между горами Сальвадора, можно было ясно видеть пируэты двух «фугамажистер» из правительственной авиации, которые пикировали на вершину горы, сбрасывали бомбы и тут же вновь стрелой взмывали в небо. Один, два, затем три черных фонтана взметнулись над землей, прежде чем до нас докатились звуки взрывов.

Мы с Кристианом молча смотрим друг на друга. Мы только что провели неделю в Эль-Альто, партизанском лагере Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНО).

В этом районе, где партизанское движение существует с ноября 1980 года, лагерь Эль-Альто неоднократно переходил из рук в руки. Когда сальвадорская армия наступала, партизаны отступали, а когда она уходила, они возвращались на свои позиции. Вооруженная борьба здесь ничем не уступает по своему накалу тем кровавым боям, которые повседневно развертываются в столице и ее пригородах. В Чалатенанго она как бы составляет часть окружающего пейзажа. Узкие долины, зажатые между горами и холмами, глинобитные деревеньки, взгромоздившиеся на самые вершины скалистых пиков, население, состоящее в основном из метисов, в чьих жилах течет смесь индейской и испанской крови и среди которых лишь изредка промелькнет характерный профиль инки. Эти крестьяне выращивают на своих крохотных земельных участках кукурузу или красную фасоль и спускаются с гор лишь для того, чтобы купить соль. Угасшим голосом они монотонно рассказывают нам об убийствах, свидетелями которых были.

Мы шли день, ночь и еще один день, стараясь не отставать от наших проводников. Сообщение между лагерями осуществляется по узким и крутым тропам в обход долин, контролируемых правительственными войсками. По этим тропинкам, бегущим по склону холма или по гребням, под прикрытием высокой травы или кустарника днем и ночью поддерживается связь между цепью лагерей, разместившихся на вершинах или в теснинах. Лагерь Санта-Анита, расположившийся на обоих берегах Рио-Сумпун, позволяет контролировать переправу через реку. Все партизанские лагеря похожи друг на друга. Это те же обычные деревни из дюжины домов, построенных все по одному образцу: саманные стены, красная черепичная крыша. В доме одна большая комната с глиняным полом, сбоку примыкает кухня с очагом без трубы и навес, образующий веранду. Женщины весь день пекут «тортильяс» — кукурузные лепешки, которые вместе с красной фасолью составляют основную пищу. Все мужчины вооружены. У каждого на боку мачете или странного вида револьверы, способные вызвать зависть коллекционеров оружия. Это оружие народного ополчения — первой ступени военно-политической организации партизан. Задача этих крестьян — продовольственное снабжение. Они коллективно обрабатывают поля и обеспечивают продовольствием всю деревню, а иногда и близлежащие лагеря. Самые молодые из них непосредственно включаются в партизанскую борьбу. Эти девушки и парни в возрасте от 15 до 20 лет — все добровольцы — проходят трехнедельные курсы военно-политической подготовки, организуемые ФНО. Военной подготовкой руководят опытные бойцы Фронта. Я присутствовал в Эль-Альто на церемонии выпуска очередной группы. Двадцать пять девушек и юношей (самому молодому из них было 13 лет) выстроились перед знаменем ФНО и торжественно поклялись бороться до полной победы, не щадя в борьбе своей жизни. Через два дня эти молодые партизаны войдут в состав боевых подразделений и получат личное оружие. А сейчас после торжественной части, как и по окончании обычной школы, устраивается праздник, на котором партизаны танцуют под музыку небольшого самодеятельного оркестра.

Задача боевых частей — обеспечивать оборону партизанских лагерей в своей зоне, рыть траншеи, строить укрытия. Они участвуют в операциях против опорных пунктов сальвадорской армии. Набираются только добровольцы из числа наиболее опытных в партизанской борьбе и наиболее политически сознательных. Эти части называются авангардными.

— Мы оказались недостаточно сильны с военной точки зрения,— объясняет Эдуардо, начальник штаба района Чалатенанго,— чтобы удерживать одновременно и районы, где местное партизанское движение еще недостаточно широко укоренилось, и города, где прочно обосновались воéнные.

Авангардные части представляют собой прообраз классической армии, лучше вооруженной и способной быстро перемещаться в любой пункт территории. Каж-

---

Репортаж написан до «свободных выборов», проведенных в Сальвадоре весной этого года, в результате которых был избран временный президент страны — Альваро Магана, продолжающий политику борьбы с народом.

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛАГЕРЯ САЛЬВАДОРСКИХ ПАРТИЗАН

Жан-Мишель КАРАДЕШ, французский журналист

дая часть представляет собой отряд из 33 человек вс главе с одним техническим инструктором.

Как только были созданы эти авангардные части, им пришлось выдержать серьезное испытание. Партизаны сталкиваются теперь с решительным противодействием регулярных частей. Это изменение обстановки совпадает с прибытием американских советников.

Партизаны испытывают серьезный недостаток в оружии. Вот почему основная деятельность молодых революционеров нацелена на захват оружия у регулярной армии. Под руководством инструкторов налажено кустарное изготовление взрывчатки, противотанковых мин и ручных гранат. До прибытия американских технических советников сальвадорская армия действительно терпела поражение за поражением. Специалисты с насмешкой называли ее «жандармерией XIX века». Теперь, лучше оснащенная, лучше приспособленная к специфической борьбе против партизан, она располагает многотонным арсеналом оружия, вертолетами, минометами.

Теперь солдаты под руководством американских советников уже не уходят из захваченных ими лагерей, как они делали это раньше. Теперь они оставляют там гарнизоны, снабжение которых обеспечивается по воздуху на вертолетах. Они закрепляются на этих позициях и начинают постепенно создавать сеть укрепленных пунктов на горных вершинах. Таким образом, они вынуждают партизан занимать стратегически неудобные позиции на склонах между долинами и вершинами гор. Однако такая тактика не столь опасна для партизан, несмотря на их ограниченные средства. «Будь у нас хотя бы четверть того оружия, которым мы, по слухам, располагаем, мы бы уже выиграли войну»,— говорит Эдуардо, когда я выражаю удивление, видя, как он буквально прыгает от радости, потому что одному отряду уда-

лось захватить четыре автоматические винтовки М-16. Действительно, в тех лагерях, где я побывал, в лагерях, играющих стратегически важную роль, оружие, которое я видел, было подчас примитивным и разрозненным: американские автоматические винтовки М-16, бельгийские винтовки FAL и западногерманские G-3 — те же модели, что и у правительственных войск. На прикладах многих из них еще можно видеть номера воинских частей, у которых они были захвачены. У некоторых партизанских групп есть отбитые у противника автоматы и минометы. Если каждый боец авангардных отрядов имеет свою винтовку, то партизанские отряды оснащены не столь хорошо. Что же касается отрядов ополчения, они, как уже было сказано выше, вооружены пистолетами и револьверами, достойными музея. А в тех группах, где удалось отремонтировать захваченные минометы, не хватает боеприпасов к ним. Ни у одной группы нет зенитного оружия, а борьба с вертолетами ограничивается заградительной стрельбой из автоматов. Когда я выразил удивление по поводу их скромного вооружения, в то время как часто утверждалось, что действует «постоянный канал» доставки оружия партизанам через Кубу и Никарагуа, мне с раздражением ответили: «Посмотри на карту Сальвадора, и ты поймешь». Да, Сальвадор зажат между враждебными к партизанскому движению Гватемалой и Гондурасом. Становится ясно, почему основная военная деятельность партизан нацелена на захват оружия, и не только оружия, но также военной формы и другого снаряжения.

От целого ряда лиц я слышал рассказы, свидетельствующие о том, что в ходе операции против городка Алькатао — укрепленного пункта сальвадорской армии на границе с Гондурасом были убиты два американца.

Трое партизан — Мерли, Нетто и Херонимо заняли позицию на поляне и находились под огнем солдат, который те вели из своего укрепленного пункта. С воздуха партизан обстреливали с вертолета, заставив их отойти, после чего вертолет опустился на поляну.

Дверца вертолета открылась, и, как рассказывают бойцы, из нее показался «светловолосый человек с широким светлым лицом». Он был одет в форму и каску защитной расцветки. Он первым спрыгнул на землю, выкрикивая приказы. За ним готовились выпрыгнуть солдаты в сальвадорской полевой форме, но в этот момент Нетто, укрывшийся в 50 метрах от них, дал очередь, и высокий блондин рухнул, убитый наповал. Вертолет тут же взмыл вверх, оставив на земле тело этого человека. Воспользовавшись возникшим замешательством, трое партизан успели скрыться, но они видели, как на поляне появился патруль из гарнизона, который поспешно на носилках унес тело убитого.

Я разговаривал также с 20-летней партизанкой Анной. Она находилась в Алькатао в засаде. Когда она покинула укрытие, чтобы присоединиться к своей группе, она заметила колонну солдат в форме, которую возглавлял светловолосый человек. «Высокий парень со светлой кожей, с густыми, очень светлыми усами и бородой. На вид ему было лет 25, волосы полудлинные, одет в джинсы, голубую майку и куртку защитного цвета. Неожиданно,— рассказывает Анна,— человек сбросил куртку и, как будто это послужило сигналом, солдаты начали развертываться в цепь для атаки». Анна подала трем своим товарищам знак отступить, а сама стала готовиться прикрывать их отступление. Блондин бежал в ее сторону, стреляя на ходу. Он кричал что-то на иностранном языке. Анна прицелилась и выстрелила, и блондин, которому пуля попала в грудь, упал навзничь. Один из его солдат закричал по-испански: «Всем остановиться, нужно помочь ему». «Если бы они не остановились,— рассказывает Анна,— мне бы не уйти оттуда живой. Я была окружена». После этого боя два члена правой организации ОРДЕН, которые были захвачены партизанами и допрошены, рассказали, что, действительно, за два дня до этого в Алькатао прибыли восемь американцев, один из которых, судя по всему, был убит.

ТАКАЯ ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Луис Армандо РАМИРЕС РОДРИГЕС,
гватемальский журналист в эмиграции

В 1954 году в Гватемале произошел контрреволюционный переворот. Опираясь на военную интервенцию США, реакционные круги Гватемалы свергли демократическое правительство Х. Арбенса.

Недавно в стране прошли так называемые «демократические» выборы, а следом за ними военный переворот. Новый диктатор Э. Риос Монтт заявил, что его правительство будет состоять только из военных, и пообещал, что он покончит со всеми «смутьянами», то есть народно-революционными силами, которые борются за глубокие изменения и подлинную демократию.

В тот день, 15 апреля 1980 года, мои родители около одиннадцати ночи возвращались домой после поездки в центр города. С ними был один из младших братьев. Он вышел из машины и пошел открывать гараж, когда на улице показалась «тойота» кофейного цвета. Из нее вышел человек и направился к машине моих родителей. Он выстрелил несколько раз подряд почти в упор. Отец успел лишь крикнуть матери: «Сейчас, сейчас, Андреа...» Отец умер почти мгновенно, мать еще что-то шептала, когда мы подбежали к машине. Ужас парализовал нас. Придя в себя, мы бросились вызывать «Скорую помощь» и тогда заметили, что метрах в ста от дома стоят два автомобиля, набитые вооруженными людьми. Машина «Скорой помощи» приехала лишь полчаса спустя, без сирены и сигнальных огней. А через 15 минут подкатила боевая машина национальной полиции, которую у нас прозвали «Суот» («удар в челюсть».— Примеч. пер.). Полицейские смеялись, увидев, как изрешечены пулями тела наших родителей.

Еще утром мы заметили, что за нашим домом наблюдают два подозрительных субъекта. Они простояли под окнами весь день. А вечером появился еще один тип. Мы не придали этому значения: ни наш покойный отец, ни мы не знали за собой никакой вины. Нельзя же было считать виной то, что наш отец был членом Исполнительного комитета Автономной профсоюзной федерации Гватемалы (ФАСГУА), единственной легальной профсоюзной федерации страны. Все остальные были уничтожены после переворо-

и шага. За нашим домом постоянно наблюдали какие-то вооруженные люди. Они расспрашивали соседей о родителях и о нас, особенно интересовались братом, который видел, как произошло убийство, но ничего не спрашивали про самих убийц. Когда братья пошли сообщить родственникам о смерти родителей, весь путь их преследовали двое вооруженных на мотоцикле, у одного из преследователей за спиной был ручной пулемет.

Когда мне приходилось выходить из дома утром, возвращаться среди дня, снова уходить, за мной всегда следовал микроавтобус с антенной радиосвязи. В нем находились трое неизвестных в черных шляпах, как у мексиканских ранчерос. Микроавтобус курсировал на малой скорости мимо нашего дома. Какой-то человек стоял на углу. Увидев кого-нибудь из нас, он сразу же прекращал читать газету и следил за каждым нашим движением. Он даже не скрывал, что ведет наблюдение. Во время похорон полицейские и типы из отделения по борьбе с нарушителями порядка не давали нам прохода, провоцируя на протест.

Мы думали спастись от преследования, переехав в другой район. Но нас быстро нашли и не оставляли в покое. Дом контролировали радиофицированные машины с вооруженными людьми. Сыщики следили за всеми, кто входил и выходил из нашего дома. Телефон прослушивался. Люди, связанные с правительственными кругами, советовали нам покинуть страну. Они говорили, что в связи с убийством наших родителей разразился «скандал» и за этим могут последовать акции, которые наверняка затронут и нас. Что это за акции, мы вполне могли представить. Какой-то тип ранил ножом сестру и скрылся.

Нам удалось бежать в Коста-Рику — девяти братьям и сестрам, самому младшему — восемь, старшему — двадцать пять лет, даже бабушка, мать отца, вынуждена была уехать.

та 1954 года. Мы, правда, знали, что за сотрудниками ФАСГУА и ее помещением ведется постоянное наблюдение, но к этому все привыкли, а прямых угроз в адрес отца последнее время не было.

Отец занимался проблемами индейцев киче, живущих на юге страны. В 1976 году, во время поездки по поручению ФАСГУА в этот район, он был задержан каким-то армейским подразделением и только чудом избежал расстрела. Крестьяне, хорошо знавшие моего отца, видели, как его вместе с группой профсоюзных деятелей втолкнули в машину и увезли. Они сообщили об этом на одну партизанскую радиостанцию, и той же ночью об этом было передано по радио. На следующее утро в правительство стали поступать протесты, требования освободить задержанных. Через день отца освободили, но предупредили, что, если он снова окажется в этом районе, его расстреляют. Армейское подразделение, захватившее отца и его товарищей, было личной гвардией владельцев южных плантаций.

Через некоторое время отец был вынужден снова поехать в тот же район. Там создалась критическая ситуация. Владельцы плантаций, опасаясь выступлений крестьян, вызвали войска. Профсоюз, стремясь не допустить кровопролития, послал туда своего представителя — нашего отца. Но кровопролитие как «воспитательная мера», по-видимому, было запланировано плантаторами. Вот как было дело. Крестьяне киче собрались на центральной площади, чтобы высказать свои претензии владельцам плантаций, и тут выяснилось, что в город введены войска, площадь оцеплена солдатами. Один из крестьян, он знал испанский, обратился к солдатам, чтобы объяснить им, что киче не замышляют ничего плохого, а просто хотят высказать свои претензии плантаторам. Но солдаты в ответ открыли стрельбу по безоружным людям. Погибло около ста человек, среди них женщины и дети. Многие были убиты прямо на площади, других солдаты добивали в реке, через которую люди пытались спастись вплавь. Потом было объявлено, что крестьяне оскорбили национальную гвардию.

Однажды отец рассказал нам, что министр внутренних дел Гватемалы совершил «секретный» вояж в Соединенные Штаты, чтобы получить «добро» на осуществление плана ликвидации профсоюзных, народных, политических и студенческих руководителей. Отец и не подозревал, что его имя тоже было в том «списке».

Полиция на месте убийства постаралась собрать все гильзы, но часть нашли соседи и принесли нам. Они были от оружия 45-го калибра, которое официально состоит на вооружении армии.

Через два дня в газете «Эль Графико» напечатали маленькое сообщение в отделе происшествий. Ни слова об убийцах, никаких показаний свидетелей, ни упоминания об оружии армейского калибра. Этот факт был опущен и в акте вскрытия.

Когда я с товарищами отца пришел в анатомичку узнать о результатах вскрытия, они еще не были готовы. Мы решили подождать в небольшом кафе неподалеку. У витрины остановились два «наблюдателя» на мотоцикле, и потом без такого конвоя я уже не мог сделать

То, что случилось с нашей семьей, не единичный факт и не несчастный случай. Как говорят в Гватемале: «Такая обычная история».

Перевела с испанского
И. КЛОЧКОВА

А САМИ СААМЫ...

Норвежское Заполярье. Минус 20 градусов по Цельсию в конце мая. Однако коренные жители здешних мест — саамы (лапландцы) — не боятся морозов. Гораздо опаснее для оленеводов севера... наступающая цивилизация! Власти рассматривают исконные владения саамов как «ничью землю». До сих пор не существует официального договора между саамами и норвежским правительством, который гарантировал бы оленеводам охраняемые законом права на землю, реки и озера. Когда власти приняли решение построить на севере мощную гидроэлектростанцию, саамы впервые в истории провели демонстрацию протеста. Для электростанции требуются плотина, множество подъездных путей, перекрытие рек и затопление больших площадей. А где будут жить саамы? Демонстранты захватили стройплощадку, на которой начиналось сооружение дамбы. Правительство пустило в ход полицейские подразделения. Строительство электростанции продолжается.

НОВАЯ РОЛЬ ДЭВИДА БОУИ

Читатели английского еженедельника «Нью мюзикл экспресс» признали лучшим певцом 1981 года Дэвида Боуи, вот уже более 10 лет пользующегося успехом у любителей рок-музыки. Впрочем, Боуи известен и как актер. Он исполнял главные роли в фильмах «Человек, свалившийся на Землю», «Наемный танцор», в бродвейском спектакле «Человек-слон». Недавно по английскому телевидению была показана пьеса Бертольда Брехта «Ваал». Отмечая блестящую игру Дэвида Боуи, газета «Морнинг стар» пишет, что его участие в постановке во многом способствовало успеху спектакля у молодых англичан, ранее незнакомых с творчеством выдающегося немецкого писателя-антифашиста.

НОВОСТИ СПОРТА

Перед встречей со сборной Мексики члены команды Гаити тайно, без ведома тренера, встретились с колдуном старинного карибско-африканского культа вуду. «Заговоренные» футболисты должны были победить со счетом 2:0. Поэтому вместо тактики, определенной тренером, игроки бестолково атаковали и проиграли с крупным счетом. В Бразилии отдают предпочтение культу макумба. Команда «Фламенго» перед матчем с «Флуминенси», например, собрала окурки сигарет соперников, «заколдовала» их и закопала под травяным покровом поля. И тоже не помогло.

СОЛИТЬ ИЛИ НЕ СОЛИТЬ!

«Молчаливый убийца», «Белая смерть» — подобными заголовками запестрели нынче журналы и газеты США. Речь идет о... соли. Верно: американцы всегда пересаливали свою еду (к примеру, консервированный «по-американски» горошек солонее свежего в 250 раз!); верно: по статистике, каждый четвертый американец страдает гипертонией; верно, но... Как говорит калифорнийский ученый Рональд Дейч, «американцы опять, как всегда, «пересаливают»: боязнь соли стала очередной национальной истерией. И неизвестно, что вреднее».

ЧТОБЫ СТАТЬ АРТИСТОМ

Лондонская школа искусств «Уик-энд артс колледж» была основана три года назад. Создатели ее — Селия Гринвуд и Тереза Ноубл — искали таланты среди тех, кто хотел посвятить себя искусству, но не имел средств на учебу. Плата же за обучение в УАК минимальная, а особенно нуждающимся школа стала предоставлять стипендии (из тех денег, что получает за свои выступления созданный при школе театр). «Наш театр по-настоящему народный,— говорят руководители школы.— Ребята сами придумывают свои композиции и говорят в них о том, что волнует их. Одна из программ называлась «Мир нужен всем», другая — «Где играют дети?», в ней говорилось о жизни детей, зажатых в каменных мешках гетто. Мы не подсказываем темы, мы только помогаем их реализовывать». Рецензенты отмечают искренность, энергичность и высокий профессионализм молодых артистов.

На снимке: один из последних спектаклей театра «Молчание и крик», посвященный памяти чилийского певца Виктора Хары.

ЭЛЛА ВСЕГДА МОЛОДА

В одном из крупнейших университетов США, Гарварде, существует традиция — выбирать «Леди года». В этом году почетное звание присвоено выдающейся джазовой певице Элле Фицджерапд. «Впервые я выступала здесь сорок лет назад. Тогда я была одной из «этих черных, которые поют джаз»,— сказала певица, которой ранее тем же университетом было присвоено звание почетного доктора.— И знаете, что меня поддерживало все эти годы? Вот вам мой совет: надо верить в свое дело и любить его. Простые слова, но следовать им трудно. Зато тогда вы всегда будете молодыми».

ФЕХТОВАНИЕ И ИСТОРИЯ

...И грянул бой — один из многих в войне, вошедшей в историю как Тридцатилетняя (1618—1648). Мушкетеры (их костюмы и оружие точно соответствуют эпохе и сделаны собственными руками) — печатник из Праги, автомеханик из Хомутова, наладчик измерительной аппаратуры из Градец-Кралове, можно назвать еще десяток профессий и десяток городов Чехословакии. Все они члены кружков исторического фехтования, созданных Союзом социалистической молодежи вместе с исторической секцией Академии наук и республиканским краеведческим музеем. В кружках они учатся работать с историческими документами как академики и фехтовать как д'артаньяны. И преданья старины глубокой оживают перед нашими современниками.

ЧТО СТРОЯТ!

Испанскому архитектору Рикардо Бофиллу не давала покоя мысль: почему нынешние здания уступают в красоте зданиям прошлых веков? А если взять сегодняшнюю технику да соединить ее со вчерашними представлениями о красоте? Мысль простая, а уж осуществление — и того проще. Отливаются из бетона «мраморные» колонны, «лепные украшения» и прочее и с помощью подъемных кранов доставляются на обычные для нашего современного глаза высоты. Правда, дома получаются на редкость некрасивыми, но разве это аргумент для тех, кто хочет жить в древнегреческом храме на пятнадцатом этаже?

Рис. С. ТЮНИНА

СЕРДЦЕ

Рассказ

В. С. НАЙПОЛ,
тринидадский писатель

Когда решили, что единственный способ научить Хари плавать — это бросить его в море, Хари вышел из организации морских скаутов. Перед этим в течение целого полугодия по понедельникам он облачался в спортивную форму, практиковался в гребле на школьном дворе и обучался подавать сигналы и вязать морские узлы. Еще на полгода раньше, чтобы избежать поездки в лагерь, Хари расстался с бойскаутами. А за год до этого он записался в детскую секцию по многоборью, но, когда подошли соревнования в беге, он постеснялся раздеться, поскольку на его майке была вышита затейливая семейная монограмма, и не вышел на старт.

Хари был десятилетним мальчиком со слабым сердцем, единственное чадо в семье. Врачи советовали избегать нагрузок и не волноваться, и тело Хари было дряблым и толстым. Он и рад был бы сыграть в крикет, воображая себя стремительным нападающим, но его ни разу не брали ни в одну из команд класса. Он не мог быстро бегать, не умел бить битой по шару, вдобавок и кидал он по-девчачьи. Хари был бы не прочь пронзительно засвистеть, как другие мальчишки, но его маленькие пухленькие губки издавали лишь что-то вроде шипения.

У него была почти китайская страсть к чистоте. Писал он, положив на тетрадь промокашку, и промокал каждую написанную строку. Вычеркивал по линеечке. Его книги блистали чистотой, никаких там рожиц и чертиков, только на первой странице в уголке рукой отца было выведено его имя. Его так и не заметил бы никто в школе, не водись у него всегда карманные деньги. Это делало его вечным объектом приставаний, то и дело у него таскали дорогие ручки, и со временем он понял, что в лавки со съестным ему лучше не заходить.

Большинство мальчишек, учившихся в школе, ходили по Джеймсон-стрит. Хари старался избегать ее. Единственным способом избежать ее было спуститься по Руперт-стрит. Но в самом конце этой улицы, как раз где Хари поворачивал вправо, находился дом, в котором держали восточноевропейских овчарок.

Дом стоял на правой стороне улицы, и идти по другой стороне значило бы выдать свою трусость как собакам, так и прохожим. Овчарки, привязанные под верандой, бросались, заливаясь лаем, на проволочную изгородь, заставляя ее вибрировать. Лапы их дотягивались до самой кромки изгороди, и Хари казалось: еще немного, и они перемахнут через изгородь. Иногда худая, пожилая, седовласая дама в очках, с раздраженным выражением лица, спускалась, прихрамывая, с веранды и визгливым голосом кричала на псов. Они немедленно переставали лаять и, забыв о Хари, подбегали к веранде, виляя своими тяжелыми хвостами, словно извиняясь за шум и в то же время требуя поощрения. Дама похлопывала их по головам, и они продолжали вилять хвостами; если же она шлепала их сильно, они убегали прочь, опустив головы и поджав хвосты. Собаки укладывались на веранде и, прищурясь, положив голову на передние лапы, глазели на мир.

Хари завидовал власти этой женщины над собаками. С одной стороны, он испытывал облегчение, когда она выходила, но в то же время ему становилось стыдно своего страха и слабости.

В городе было полным-полно бродячих псов, лаявших дни и ночи напролет. Этих собак Хари не боялся. Они были худые, голодные и трусливые. Прогнать их было проще простого: надо было только наклониться, будто за камнем — этот жест хорошо знали все бездомные псы. Но с восточноевропейскими овчарками было иначе, в них этот жест будил только ярость.

Четыре раза в день — на обед он возвращался домой — Хари проходил мимо овчарок, слышал их лай и дыхание, видел их длинные белые клыки, черные пасти и красные языки, видел их напряженные, мощные тела, выраставшие над ним, когда они бросались на изгородь. Свою злость Хари вымещал на бездомных псах. Он наклонялся, делая вид, будто хочет поднять с земли камень, и псы мгновенно исчезали.

Когда Хари попросил купить ему велосипед, он ни единым словом не обмолвился ни о мальчишках, ни об овчарках. Он говорил о солнце и о том, что устает. У родителей было некоторое предубеждение против велосипеда, но Хари вскоре научился ездить не падая. Теперь, на велосипеде, он чувствовал себя по-другому и уже не испытывал страха перед собаками. Овчарки редко лаяли на проезжающих велосипедистов. Поэтому Хари останавливался перед домом на углу и, когда собаки сбегали с веранды, делал вид, что бросает в них камнем, доводя их этим до бешенства, до хрипа. Потом он медленно отъезжал, а овчарки, озлобленно рыча, бежали вслед, до самого конца участка. Как-то раз появилась старая дама, и тогда Хари сделал вид, что наклонился, только чтобы завязать шнурки.

Школа Хари находилась в тихой части города. Улицы были просторные, без тротуаров, вместо тротуаров были широкие, ухоженные, покрытые травой обочины. Через каждые несколько ярдов их рассекали неглубокие дренажные канавки. Хари нравилось катить по обочине, плавно поднимаясь и опускаясь.

Как-то в пятницу, под вечер, Хари ехал домой из школы после собрания клуба филателистов (он вступил туда после того, как вышел из организации морских скаутов, и здесь благодаря большой коллекции и дорогим альбомам, которые подарил ему отец, пользовался прочным уважением). Уже смеркалось, и Хари, глядя на траву, катил по обочине.

В одной из канав он увидел лежавшую овчарку.

Велосипед съехал вниз и переехал через толстый хвост. Пес поднялся и, не глядя на Хари, встряхнулся. Потом Хари увидел еще одну овчарку. И еще одну. Он вырулил, но они лежали повсюду, в канавах и по всей обочине. Они были разных мастей, а одна была темно-коричневая. Хари не касался педалей с

того момента, как увидел первую собаку, и ехал теперь так медленно, что почти терял равновесие. Сзади послышался тихий отрывистый рык, будто кто-то фыркнул. Тут силы к нему вернулись. Он выехал на асфальт, и вот тогда все овчарки тоже, будто именно в этот миг оправившись от удивления, поднялись и бросились за ним следом. Хари крутил педали, не глядя по сторонам. Три собаки, среди них темно-коричневая, бежали перед велосипедом. Хари ехал и ждал их нападения. Но они лишь молча бежали перед ним. Шины велосипеда шуршали, а цокот собачьих лап по асфальту напоминал стук голубиных лапок по жестяной крыше. И тогда Хари вдруг понял, что эта овчарочья свирепость случайна, безгневна и беззлобна — вечерний досуг, развлечение. Усилием воли он заставил себя смотреть только вперед, в направлении главной городской улицы, где уже загорались фонари, где виднелись освещенные салоны троллейбусов, машины, толпы людей.

И вот наконец он доехал. Овчарки остались позади. Он так ни разу и не обернулся. И, только оказавшись на главной улице, где мерцали голубым в уже наступающей темноте троллейбусные дуги, Хари осознал, как испугался, как близок был к мучительной гибели от зубов этих жизнерадостных псов. Сердце его заколотилось сильно-сильно. Потом острая боль, какой он еще никогда не испытывал, пронзила его. Из горла у него вырвался сдавленный крик, и Хари упал с велосипеда.

Он провел месяц в частной лечебнице и оставшееся до конца четверти время в школу не ходил. Но после каникул, с началом занятий, он уже был вполне здоров. Все решили, что о катании на велосипеде больше не может быть и речи, и его отец изменил часы своей работы, чтобы возить Хари домой и в школу.

Его день рождения приходился на начало четверти, и, когда в этот день его привезли домой из школы, мать протянула ему корзинку и сказала:

— С днем рождения!

В корзинке был щенок.

— Он не укусит тебя,— сказала мать.— Погладь, сам увидишь.

— Нет уж, ты погладь первая,— сказал Хари.

— Ты должен погладить его,— повторила мама.— Он твой и должен привыкнуть к тебе. У собаки может быть только один хозяин.

Он вспомнил старую даму с пронзительным голосом и протянул руку к щенку. Щенок лизнул его и прижался влажным носом к ладони. Хари стало щекотно. Он рассмеялся, взъерошил щенку шерстку, и тот потерся о его руку; Хари провел рукой по щенячьей мордочке, приподнял щенка, и тот лизнул его в лицо. От этого Хари опять рассмеялся.

У щенка были маленькие острые зубки, и ему нравилось покусывать Хари как бы всерьез. Хари нравились эти покусывания, в них он чувствовал дружелюбие и обещание силы, властителем которой он со временем станет.

— У собаки может быть только один хозяин,— сказала мать.

Он упросил отца возить его в школу по Руперт-стрит. Иногда он видел за забором овчарок. Тогда он вспоминал о своей собаке и чувствовал себя защищенным и отомщенным. Они ездили взад-вперед по улице с покрытыми травой обочинами, где его преследовали овчарки. Но он никогда больше не видел овчарок на воле.

Щенок всегда ждал их возвращения. Отец подъезжал прямо к воротам и сигналил в рожок. Мать выходила отворить ворота, и щенок тоже выбегал, виляя хвостом и прыгая вокруг машины, даже если она еще не остановилась.

— Придержи! Придержи его! — кричал Хари.

Больше всего на свете боялся он теперь потерять пса. Хари любил слушать, как мама рассказывает гостям о любви сына к щенку. Ему надарили книг о собаках, и он с огорчением узнал, что собаки живут только двенадцать лет. Значит, когда ему будет двадцать три и он станет взрослым, собаки у него уже не будет. При таких обстоятельствах дрессировка казалась ему бессмысленной, но все книги советовали дрессировать, и Хари последовал их совету. Щенок прореагировал на приказы с безразличием, которое Хари показалось очаровательным. В школе он был тронут до слез, когда там читали стихотворение, начинающееся словами: «И лаю собаки внимает пастух». На фильме «Возвращение Лесси» он рыдал. После фильма Хари осознал, что в воспитании собаки упустил нечто очень важное: во что бы то ни стало нужно отучить щенка брать пищу из чужих рук. Хари обмакнул кусочки мяса в острый кетчуп и разбросал по двору.

На следующий день щенок пропал. Хари очень горевал и чувствовал себя виноватым, но в фильме о Лесси собака возвращается, и это его несколько успокаивало. Когда меньше чем через неделю щенок вернулся грязный, исцарапанный и похудевший, Хари обнял его и прошептал слова из фильма: «Ах ты, моя Лесси — моя Лесси вернулась!»

Он забросил дрессировку, теперь его заботило только одно — чтобы щенок снова стал здоров. В прочитанных им американских комиксах собаки жили в специальных будках и ели из мисок с надписью «ПЕС». Идея собачьей будки не очень ему нравилась, было чувство, что собаке там должно быть тесно и одиноко; но на том, чтобы купили миску с надписью «ПЕС», он настаивал.

Перед завтраком Хари вымыл собачью миску и положил туда еды. Он кликнул пса и показал миску. Щенок подпрыгнул, пытаясь ее достать.

Хари поставил миску наземь, и щенок, не обращая на него никакого внимания, подбежал к ней. Разочарованный Хари сел на корточки подле собаки, ожидая хоть какого-нибудь знака признательности. Но тщетно. Щенок ел, хлюпая, стараясь заглотить побольше, не пережевывая. Хари погладил щенка по голове.

Щенок, проглатывая, зарычал и тряхнул головой.

Хари погладил еще раз.

Рявкнув, щенок выронил пищу изо рта и цапнул Хари за руку. Хари почувствовал, как зубы впиваются в его руку; он ощутил, с какой яростью сжимаются челюсти щенка. Потом челюсти разжались. Хари взглянул на руку и увидел, что кожа содрана и выступают капельки крови. Щенок, чей взгляд был полон злости, опять склонился над миской, хватая и заглатывая.

Хари схватил миску с надписью «ПЕС» и бросил, как бросал всегда, по-девчачьи, за кухонную дверь. Внезапно щенок перестал рычать. Когда миска исчезла, он озадаченно взглянул на Хари, дружелюбно повиливая хвостом. Хари сильно пнул щенка в морду и почувствовал, как кончик ботинка чиркнул по кости.

Щенок отскочил к двери и недоуменно взглянул на Хари.

— Рядом! — приказал Хари, давясь слюной.

Рис. Е. ГРИЧУКА

Суетливо завиляв хвостом, высунув из черной пасти свой розовый язык, еще маслянистый от еды, щенок подошел к нему. Хари протянул укушенную руку. Щенок дочиста слизал с нее кровь. Тогда Хари ударил его ногой в брюхо. Ударил еще раз, но щенок уже выбежал, скуля, из кухни, и Хари, потеряв равновесие, упал. На глазах у него выступили слезы. Место укуса жгло, а слюна щенка, высыхая на руке, стягивала кожу.

Хари встал и вышел из кухни. Щенок, стоя у калитки, следил за каждым его движением. Хари нагнулся, будто хотел подобрать камень. Щенок не двинулся с места. Тогда Хари поднял камень и швырнул его в щенка. Бросил он неловко, и камень пролетел слишком высоко. Щенок рванулся поймать его, но упустил, остановился и уставился на Хари, виляя хвостом, навострив уши и разинув пасть. Хари швырнул другой камень. Этот полетел ниже и сильно ударил щенка. Щенок взвизгнул и бросился в сад. Хари последовал за ним. Щенок обежал дом и спрятался среди лилий и антуарий. Хари бросал один камень за другим и внезапно обрел чувство направления. Снова и снова он попадал в щенка, который, скуля, убегал, пока камни не загнали его под узкие решетки с лозами черного винограда. Там он затаился с поджатым хвостом, испуганно следя глазами за Хари. Время от времени он облизывал языком нос.

Это еще больше разозлило Хари. Он методично бросал камень за камнем, и щенок метался от куста к кусту. Один раз он попытался обежать Хари, но дорожка оказалась слишком узкой, а Хари достаточно ловким, и щенок, получив звонкий шлепок, убежал обратно, под решетку, и теперь смотрел, подвывая.

Сдавленным голосом Хари скомандовал:

— Рядом!

Щенок навострил уши.

Хари улыбнулся и попробовал засвистеть.

Нерешительно, лапы подогнуты, спина дугой, щенок подошел к нему. Хари стал гладить его по голове, и наконец щенок расслабился. Тогда Хари взял собачью морду обеими руками и резко стиснул. Щенок взвыл и отпрянул.

— Хари,— услышал он голос матери,— папа уже почти готов. Ты так и не позавтракал.

— У меня нет аппетита,— сказал Хари.

Эти слова часто говорил его отец.

Мать спросила, почему миска разбита, а ее содержимое разбросано по двору. Хари ответил:

— Мы играли.

Мать увидела его руку.

— Ох уж эти животные, они не соразмеряют своей силы,— сказала она.

Хари хотел, чтобы щенок давал себя гладить во время еды, и желание это превратилось в навязчивую идею. Сопротивление щенка немедленно влекло за собой наказание: Хари порол его, бросал в него камни, запирал в чулан под лестницей или, когда это было возможно, в машину с закрытыми окнами. Иногда Хари брал щенячью миску, вел щенка в уборную и, выбросив еду в унитаз, спускал воду. Порой выбрасывал еду из миски во двор. Тогда наказание ожидало щенка за то, что он ел с земли. Вскоре Хари начал наказывать щенка за все поступки, в которых, как ему казалось, проявлялись недружелюбие, непонимание или непослушание. Наказание ожидало щенка, если он не выбегал к воротам на звук автомобильного рожка; оно ожидало его также, если он не бежал на зов. Хари вел точный учет проступкам, подлежавшим наказанию, потому что наказывать щенка он мог только, когда родителей не было дома или когда они были заняты; таким образом, кара всегда настигала щенка с опозданием. Хари боялся, что щенок может убежать, поэтому привязывал его на ночь. А когда родители были рядом, Хари приходил в ярость, видя, что щенок ведет себя так, словно никакие наказания его не ждут: ложится у отцовских ног, позевывает, укладывается в самых удобных позах или виляет хвостом, приветствуя мать Хари. Иногда в таких случаях Хари стремительно нагибался, словно подбирая камень, и щенок стремглав бросался из комнаты. Но бывали и такие дни, когда о наказаниях забывалось, так как Хари осознавал, что властвует над волей щенка, делая ее лишь придатком своей воли не только силой наказания, но и благодаря своей власти над собачьими привязанностями.

И наступил триумф. Щенок, теперь уже почти взрослая собака, напал на Хари, так что родителям пришлось ее оттаскивать.

— Нельзя доверять этим собакам,— сказала мама.

Пса посадили на цепь. Как только выдавалась возможность, Хари избивал его. Както вечером, когда родителей не было дома, он избил собаку до того, что та уже не могла и скулить. Затем, зная, что дома он один, и желая испытать крепость своего духа, Хари спустил собаку с цепи. Пес не напал на него, не зарычал. Он побежал прятаться в антуарии. И после этого он, когда стал есть, позволил себя гладить.

Снова наступил день рождения Хари. Ему подарили детскую фотокамеру, и он щелкал, снимая все подряд, пока отец не предложил Хари сфотографироваться вместе с псом. Тот никак не хотел стоять спокойно; в конце концов на него надели ошейник, и потом Хари с улыбкой держал собаку, позируя перед камерой.

В пятницу отец Хари был занят и не мог его подвезти домой. Хари остался в школе на собрание клуба филателистов и доехал до дому на такси. Отцовский автомобиль стоял на подъезде к дому. Хари кликнул пса. Тот не появился. Что ж, еще одна провинность. Родители были в малой гостиной, рядом с кухней; они пили чай. На столе Хари увидел желтую папку с негативами и фотокарточками. Получилось так себе. Пес был напряженным и неуклюжим, отворачивался от объектива; и Хари подумал, что сам он выглядит слишком толстым. Просматривая фотографии, он ощущал на себе взгляд родителей. Одну фотографию он перевернул. Сзади отцовским почерком было написано: «В память о Рексе». И внизу дата.

— Это случайно произошло,— сказала мама, обнимая его.— Он выскочил как раз, когда папа въезжал. Несчастный случай.

Глаза Хари заволокло слезами. Рыдая, он с топотом взбежал вверх по лестнице.

— Осторожней, сынок,— крикнула мама, и Хари услышал, как она сказала отцу: «Быстрее за ним! Его сердце! Его сердце!»

Перевел с английского
Михаил КАМЕНСКИЙ

Ну и дела! Гражданская война в Ольстере; расовые стычки в Брикстоне; инфляция пожирает все, а тори только добавляют жару... Вдобавок гнусная погода; примитивная система отопления; дорого обходящийся анахронизм, именуемый королевской семьей. Так выглядит Британия. «Будущего нет»? [1] Похоже, панки были правы.

Но вот местечко, где общий упадок вроде бы никак не может напомнить о себе (во всяком случае, поначалу обо всем забываешь...). Это Модное Заведение Лэнгана в Ковент-гарден. Неотразимые официанты разносят толстые розовые креветки... Здесь вы погружаетесь в душистый океан приторной болтовни, приятненьких ретромотивов и недешевых дружеских бутылочек «Бордо»... Этот безнадежный, очень неприятный мир всяких там безработных и прочих отодвигается, отодвигается... Он далеко. Здесь, у Лэнгана, короли момента.

Большинству из них по двадцать с небольшим лет, и многие из них в свое время испытали влияние панковского стиля-1976. Но мрачное мироощущение и грозные политические прогнозы панков они отмели бесповоротно: это ужас, это тупик! Восьмидесятые требовали нового подхода, и вот, пожалуйста: новый стиль, новые аккорды — новая поза! Строго говоря, стиль «блиц» — это веселье в камере смертников.

Юные модники кривят рты, когда пресса дает им красочные наименования типа «Новые романтики» или, еще хуже, «блицребята» («Блиц» — так назывался лондонский клуб, где сей жеманный ретростиль впервые продемонстрировал себя любопытствующей публике). Сами они предпочитают называть себя таинственно-многозначительно: «Культ без названия». С серьезным лицом это выговорить невозможно.

Сегодня здесь почти все ключевые фигуры новой поп-элиты Веселящегося Лондона. Мидж Юр и Билли Карри из группы «Ультравокс» потягивают коктейли. Что же

---

[1] *Рефрен песни «Секс пистолз» «Боже, храни королеву».— Здесь и далее примеч. пер.*

«ВЕСЕЛЬЕ В КАМЕРЕ СМЕРТНИКОВ»

Курт ЛОДЕР, американский журналист

на них одето? (Теперь на это принято смотреть в первую очередь!) Мидж — свободно ниспадающий складками серый костюм, тоненькие, будто карандашом прорисованные усики, тщательно взбитый кок, длинные тонкие бачки. Образ Билли не столь кинематографичен: широкие брюки с высоким поясом, голубая рубашка с коротким рукавом и отложным воротничком. Если бы не золотая серьга в ухе, мог бы сойти за провинциального официанта. А вон Расти Игэн — вылитый молодой Уинстон Черчилль. Но даже у Лэнгана все головы немедленно поворачиваются ко входу, когда появляется Стив Стрэйндж. О, Стив — основной среди «блицребят». Этот человек живет только для того, чтобы к вечеру как следует приодеться и нагрянуть в клуб. И сегодня он выглядит, как всегда, потрясающе. Полное лицо с рудиментарной бородкой покрыто гримом бронзового цвета, а взбитые волосы поднимаются сантиметров на двадцать надо лбом. Да, простых смертных это разит наповал. Чувствуется, что надо немало потрудиться, чтобы приобрести такой вид.

«Готовиться надо с утра, и это нелегко. Я не могу просто так выйти, я должен обрести свою внешность»,— сообщает Стив, уводя за собой сливки «блица» за облюбованный им дальний стол. «Выбрать костюм — дело несложное; некрасивых вещей у меня нет. Но чтобы сделать свое лицо... тут пятью минутами не обойдешься. Грим невероятно важен».

Воображению рисуются картины быта: «блицпарень», чертыхаясь, ищет изумрудные тени для глаз и вытаскивает из-под спящей кошки блестки и мушки. Но, боюсь, мало кто в «этой серой» Англии, среди унылых безработных и умаянных рабочих, сможет с пониманием отнестись к человеку, убивающему часы перед зеркалом, наводя грим Тщеславия.

«Эй, парень, да я смотрю, ты вроде не с нашей планеты»,— озадаченно сказал Стиву Стрэйнджу таксист, оценив костюм в виде орхидеи.

«Ах, как это типично,— кидает мне Стив,— как примитивно...» Мы на следующий день объезжаем с ним «модный» Лондон.

«Мне кажется, Кингз-роуд теперь куда привлекательнее, чем в прошлые годы»,— говорит Стив, поглядывая в окна такси, когда мы проезжаем по знаменитой аллее законодателей мод.

Я иронизирую по поводу «неповторимого облика за доступную цену» и позволяю себе упрекнуть «блиц» в несерьезности. Стив не согласен. «Я полагаю, то, что мы оживили жизнь, возродили моду на клубы, дали работу множеству людей — фотографам, модельерам, художникам, модисткам,— это очень серьезно и это поистине творческий подход к жизни. Мы снова включили Лондон в карту моды. Ничто английское не оказывало влияния на парижских модельеров с 1976 года». (Так вот в чем дело!) Стив делает паузу: «Дело не только в моде,— продолжает он,— одна мода не может записаться на пластинку и не может эту пластинку продать. Нужны и хорошие музыканты».

Так мягко Стив подъехал к своей пластинке «Визаж», которую записал с Миджем и Расти и которая призвана отразить новое состояние дурных умов. Десять электронных танцевальных пьес, сдобренных томным голосом и всевозможными синтезаторными красивостями... Неизгладимое впечатление производит видеоролик с самой «ударной» песней «Визажа» — «Они сливаются с серым». За три минуты звучания Стив Стрэйндж предстает, наверное, в трех десятках гримов и костюмов — от черного раба до греческой гипсовой статуи. Текст между тем ровным счетом ничего не значит. Стиву, как он говорил в одном интервью, нравится слово «фэйд» («fade» — англ. «сливаться»). «Это модное звуко-

Рис. С. ТЮНИНА

сочетание, я чувствую, оно соответствует настроению этого года...» Модные тенденции были усилены троекратно: «Они сливаются с серым» — рефрен «блицгода». Если говорить о стиле ради стиля, гиперформе при минисодержании, то «блиц» может служить идеальным примером.

Как же Стив Харрингтон («Стрэйндж» — «странный», — псевдоним «блицлидера») пришел к такой сладкой жизни? В 1976 году он приехал в Лондон из мрачного Уэльса, где оставил разведенную мать с младшей сестрой. Здесь встретил Расти Игэна, приметив его по военному плащу покроя тридцатых годов: «Это выглядело что надо!» В рабочее время Стив чистил отхожие места в клубе «Рокси», а свободное время посвящал поискам чего-то модного. Пробовал играть в группах, но грубый панк его не привлекал. Расти стал диск-жокеем и тоже некоторое время играл (ударником) в ансамбле «Богатые ребята» — с Мидж Юром и бывшим бас-гитаристом «Секс пистолз» Гленном Мэтлоком. «На концертах нас забрасывали разной дрянью». Мидж Юр купил синтезатор и попробовал было играть на нем... Но риск оказался слишком большим: панки ненавидели синтезатор как агента вражеской державы: для них он служил олицетворением помпезного буржуазного рока и особенно ненавистного диско.

Вот тогда-то Расти и Стив решили создать свой, «непохожий» клуб. Сначала Лондон наводнили таинственные афиши:

«Слава, слава — как мне призвать тебя?! [1] Клуб для героев. Диско в Трансевропейском экспрессе».

Адрес указан не был, но слух пошел, и вскоре каждый вечер во вторник у заветных дверей стала собираться толпа. «Панк уже стал многим поперек горла,— вспоминает Стив,— людям хотелось куда-то пойти». Расти крутил посетителям свой любимый «электропоп», а Стив, одетый во все неотразимое, стоял у дверей, не впуская пьяных, футбольных болельщиков и вообще людей, выглядевших слишком нормально, бедно, домоседливо, устало — короче, недостаточно стильно. «Они не могли бы участвовать в нашем милом сумасшествии...» А внутри, за широкой спиной Стива, тем временем рождался новый стиль («Джинсы? Боже упаси!»).

Тщательная фильтровка у входа многих раздражала. В частности, журналистов, которые не могли пройти внутрь и вкусить новые нравы. «Приходило достаточно людей, которые смотрелись отлично, которые нравились самим себе. Но этого мало — надо было выглядеть исключительно здорово». Владельцы помещения почувствовали, что судьба делает им подарок. Толпа у входа? Клуб переехал в новое просторное помещение, которое и получило название «Блиц». Что-то новое витало в воздухе; трудно уловить это настроение в целом, но «блиц» был очень характерен. «Блиц» стал магнитом для ребят, которым надоело заклинание «нет будущего» (потому что его для них действительно нет).

Новая формула жизни становилась все более популярной. Почтил ее вниманием и сам Дэвид Боуи («Я преклоняюсь перед ним» — Стив). Однажды вечером он зашел в «Блиц» и отобрал там несколько наиболее живописных и фотогеничных позеров, в том числе и Стрэйнджа, для съемок видеоролика своего нового боевика «От пепелища к пепелищу» [1].

Так что же нового и «шокирующего» принесла с собой вся эта поблескивающая толпа? Ведь по части идеи — просто дурь, а что до одежды, то разве «Кинкс» не носили еще восемнадцать лет назад бархатные костюмы в кружевах а-ля принц-наследник? И разве Джими Хендрикс не выступал в гусарских камзолах и пиратских повязках?

В том-то и дело, что нового ничего нет. Ведь у этих парней тоже «будущего нет».

Перевел с английского
А. ТРОИЦКИЙ

[1] *Слова из известной песни Дэвида Боуи («Слава», 1975).*

[1] *В этой песне Боуи поет о недолговечности успеха; сюжет четырехминутного видеоролика — паническое бегство разряженных молодых людей от преследующего их по пустынному пляжу огромного бульдозера. Так Боуи мимоходом похоронил «блиц» еще в год его зарождения.*

ПУСТАЯ ЗАТЕЯ

Л. ЗАХАРОВ

Майк Чэпмен — один из самых известных и успешных продюсеров за всю историю рок-музыки. Кто такой продюсер? Это человек, который отбирает песни для записи на пластинки, следит за качеством записи, чистотой звука, специальными эффектами, иногда выполняет аранжировки, а иные из них и сами пишут музыку и слова песен. Опытный продюсер — это, как считается, верная гарантия успеха пластинки. А опыт у Чэпмена был большой. Он удивительно тонко чувствовал потребности публики в определенной музыке и всегда эти потребности удовлетворял. Вместе со своим коллегой Чинном он «выводил в люди» Сюзи Куатро, ансамбли «Смоки», «Свит», «Мад». Последней его удачей была работа с группой «Блонди».

Казалось бы, о чем еще может мечтать человек, добившийся такого успеха? Но, как выяснилось, Чэпмену не давала покоя мысль: почему в популярной музыке сейчас нет четко выраженного лидера, каковым в свое время был ансамбль «Битлз»? Мысль эта засела в его голове так прочно, что Чэпмен решил взять на себя нелегкую миссию и представить публике группу, которая затмила бы славу знаменитой ливерпульской четверки. Своим решением он поделился с прессой, пресса — с читателями, но особого ажиотажа это не вызвало. Уж кого только не пророчили во «вторые «Битлз»! Постепенно к такого рода пророчествам стали относиться спокойно: ни одно из них не сбывалось, и все мало-помалу привыкли к мысли о том, что «вторых «Битлз» нет и быть, по всей видимости, не может. Но вот Чэпмен с этим смириться не хотел и в 1978 году приступил к поискам будущих кумиров молодежи. По его замыслу, это должны были быть довольно опытные музыканты, но неизвестные широкой публике: «Битлз» ведь тоже появились ниоткуда. Такие исполнители нашлись.

Вокалист и гитарист Дуг Фигер, гитарист Бертон Аверре, бас-гитарист Прескот Найлс и барабанщик Брюс Гари много записывались в студиях Сан-Франциско с разными группами, но не были постоянными членами ни одной из них. Как-то они вчетвером сделали пробную запись, которая попала в руки Чэпмена. Он прослушал ее и понял: это именно то, что нужно. Музыка, которую они исполняли, была приятной, несложной, с четким ритмом, слегка напоминала ранних «Битлз». И состав тот же — три гитары и ударник.

Чэпмен предложил свои услуги в качестве продюсера их первой пластинки и, конечно же, получил согласие: музыкантам было лестно, что на них обратил внимание такой большой мастер своего дела, пообещавший к тому же через пару лет сделать из них — ну конечно же, «вторых «Битлз». Был подписан контракт. Так и возникла группа, названная «Knack» — «ловкость, сноровка» (англ.). Название прекрасно отражало деловые качества продюсера. Впрочем, Чэпмен стал не только продюсером, но и менеджером группы — занимался организацией их выступлений, делал заявления для печати. Своим подопечным говорил: хотите, чтобы из вас что-то вышло, слушайтесь меня во всем.

С музыкой все было просто: Чэпмен немного «подчистил» и обработал песни «Нэк», несколько изменил звучание инструментов. Но он хотел, чтобы слушатели и критика отметили, что во внешности парней «есть что-то от «Битлз». С этой целью был тщательно продуман внешний вид музыкантов — нормальные прически, белые рубашки, черные галстуки, темные брюки. И контракт был заключен не с какой-нибудь фирмой, а именно с «Кэпитол», той самой, что выпустила в США первую пластинку «Битлз» — «Meet the Beatles» — «Знакомьтесь: «Битлз». Пластинка «Нэк» называлась «Get the Knack».

В дословном переводе «Приобрести сноровку», но можно и иначе — «Извольте: «Нэк». Похоже, правда? Но сходство пластинок не ограничивалось названиями — они и оформлены были похоже. На обложках обеих — черно-белые фотографии симпатичных молодых людей, на обороте молодые люди в телевизионной студии. Те же простенькие гитары, скромные одеяния, те же позы.

Все эти тщательнейшим образом продуманные детали дали именно тот эффект, на который рассчитывал Чэпмен,— «Нэк» заметили сразу же. Выпущенная в 1979 году пластинка стала в США «золотой», а затем «платиновой» (продано более 1 миллиона экземпляров). Песня «Моя Шарона» — самая популярная на американских радиостанциях в течение нескольких недель. Ажиотаж подогревался и бесконечными напоминаниями о том, что пластинка была записана всего за несколько дней с минимальными затратами — это, мол, не то, что другие ансамбли, которые в студиях по полтора-два года проводят без толку и тратят кучу денег для записи своих посредственных пластинок. Естественно, «новые «Битлз» такими и должны быть: раз-два и готова пластинка. И уж совсем наповал разило заявление самого Чэпмена, которое перепечатали все музыкальные газеты: «Я создал лучшую группу всех времен и народов».

Правда, уже тогда появились сомневающиеся. Многим не понравилось содержание песен. Темы-то вечные: любовь, верность, измена, разлука. Но уровень их подачи такой:

Я увидел в окне твое лицо
И с тех пор не нахожу
себе места.
Ах, если бы мне удалось
узнать твое имя
Или номер твоего телефона!
(Песня «Номер твоего телефона или твое имя»)

Или вот, например:
Если бы ты знала,
Как мне надоело скрывать
свои чувства,
Как хочется сказать тебе,
что я мечтаю быть
Для тебя не просто
приятелем.
Я всегда был таким
скромным,
Что не мог сказать тебе
«люблю».
Но вот сегодня вечером,
возможно, решусь.
(«Может быть, сегодня»)

И дальше в том же духе. Названия остальных песен достаточно ясно говорят об их содержании: «Любимые занятия маленьких девочек», «Хорошие девочки так не поступают» и прочие конфетки.

«Битлз» поначалу тоже пели песенки о юных влюбленных и хорошеньких девушках. И именно подростки были основными потребителями их пластинок. Но «Битлз»-то от простеньких песенок переходили к более сложным, содержательным, а «Нэк» почему-то (почему-то?) застряли на месте. В их второй пластинке «линия маленьких девочек» была усилена и даже вынесена в заглавие: «...Но маленькие девочки понимают». С музыкальной точки зрения этот альбом как две капли воды походил на первый. То ли ансамблю больше нечего было сказать, то ли Чэпмен решил, что нащупал золотую жилу, которую нужно продолжать эксплуатировать. Но мелодии были настолько похожими, что кинувшаяся было покупать альбом публика очень быстро успокоилась. Ясное дело — никто не хотел платить деньги за копию того, что уже имел. Тем более что копия во всех отношениях явно уступала оригиналу.

Критика разбила пластинку в пух и прах. Газеты писали, что даже если бы это был первый диск «Нэк», то и тогда его пришлось бы признать посредственным. Но ведь он второй на счету ансамбль, от которого так много ждали, а ансамбль эти надежды обманул. Круг замкнулся слишком быстро: когда «Нэк» подражали «Битлз», у них это хорошо получалось, но теперь они подражают самим себе, и это никому не интересно.

Это было тяжелым ударом для ансамбля и, безусловно, для самого Чэпмена. Планы, осуществление которых казалось ему таким близким, рухнули, и сотрудничество «Нэк» — Чэпмен на этом закончилось.

Вскоре после этого появились первые «истинные» интервью с членами ансамбля. Дуг Фигер признался: «Мы отказывались от бесед с представителями прессы вовсе не потому, что нам нечего было сказать, и не потому, что мы такие уж застенчивые. Просто Чэпмен нам посоветовал: если хотите, чтобы ваша карьера длилась подольше,— никаких заявлений для печати. Пусть все думают, что за вашим молчанием скрывается что-то значительное. Ну, мы и молчали».

В 1981 году «Нэк» выпустили третью пластинку — «Путешествие по кругу», которую критики оценили как попытку группы доказать, что она способна на большее, нежели подражание.

«Вторых «Битлз» из нас не вышло,— говорит Фигер,— да мы в это, честно говоря, по-настоящему и не верили. Конечно, Чэпмен довольно убедительно доказывал, что мы для этого вполне созрели, так что мы решили попытать счастья. Но скоро поняли, что это пустая затея. Ведь еще никто из подражателей не добился настоящего успеха».

Что же, устами Фигера глаголет простая истина: любой мыльный пузырь — при помощи умелого продюсера и хорошей рекламы — можно раздуть, но пузырь неминуемо лопается. Вот так.

Изобразительное искусство Анголы имеет древние традиции. В 1980 году на I съезде партии МПЛА было создано Национальное управление искусства, призванное находить в народе таланты и создавать им условия для творчества. Подавляющее большинство художников республики очень молоды — до двадцати лет. Обычно они объединяются в бригады. Повсюду в Луанде можно увидеть их работы — агитплакаты на стенах домов. Многие молодые художники готовятся к работе в провинциальных центрах, их основная задача поддерживать и развивать народное искусство. Огромной популярностью в Луанде пользуется «Депозито» — национальный музей изобразительных искусств. Здесь экспонируются и реставрируются бесценные произведения древнего народного искусства, спасенные от расхищения и уничтожения, произведения живописи, скульптуры, которые удалось собрать после свержения португальского колониального ига. Коллекция «Депозито» постоянно пополняется новыми произведениями современных мастеров. В Доме профессионального союза художников открылась первая в стране графическая мастерская. Ею руководит девятнадцатилетний Альваро Кардосо. Каждый месяц в галерее Дома профсоюза в самом центре Луанды открывается новая выставка. На этой странице представлены произведения молодых художников Анголы.

Индекс 70781 Цена 35 коп.